

ВИШЕРСКАЯ СТАРИНА

ББК Ш (2 Рос)
В 551

От составителей

Рецензент

А. В. Черных, кандидат исторических наук

В 551 Вишерская старина: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района. Пермской области /Сост. Н.В.Жданова, И.А.Подюков, С.В.Хоробрых; Перм. гос. Пед. ун-т.— Пермь: ПГПУ, 2002. — 100 с.

ISBN 5-85218-128-5

В сборнике представлены материалы полевого фольклорно-этнолингвистического обследования ряда населенных пунктов Красновишерского района (села и деревни Губдор, Федорцово, Н. Язьва, В. Язьва, Антипино, Паршаково, Н. Бычино, поселок Цепёл). Обследование проводилось в июле 1998 г. и в марте 2002 г. силами студентов и аспирантов филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (аспиранты кафедры общего языкознания С. В. Хоробрых, Н. В. Жданова, С. М. Поздеева, студенты-филологи Н. Ю. Копытов, О. А. Попова и другие). В сборник включены также материалы экспедиции 2000 г. фольклорной студии «Веретья» (г. Березники, руководитель С. В. Хоробрых), использованы данные фольклорного архива Пермского государственного университета разных лет.

Основное содержание сборника – сведения об обрядовой традиции, фольклорных и этнографических особенностях местности. В помещенных в сборник рассказах жителей края подробно описываются основные особенности локальной традиционной культуры. Первый раздел посвящен описанию системы основных календарных праздников в крае, хозяйственной и бытовой обрядности, второй раздел описывает семейную традицию (такие семейные обряды, как свадебный, родинный, похоронный).

Сборник предназначен для специалистов по традиционной культуре, фольклористам, историкам, диалектологам, краеведам, всем, кто интересуется народной культурой. В определенной степени он дает представление об особенностях жизни и быта, культуры, языке, обрядах, верованиях и представлениях жителей традиционной северной русской деревни.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

ISBN 5-85218-128-5

© Пермский государственный
педагогический университет, 2002
© И. А. Подюков, Н. В. Жданова,
С. В. Хоробрых, 2002

Одна из самых северных точек Пермской области – Красновишерский район. Этнографы, диалектологи и фольклористы давно оценили этот край, северную окраину прикамской земли как место, в котором удивительным образом оказались совмещены разные культуры – культура коми-язьвенцев, потомков древнего народа коми, живущих на р. Язьве, полностью воспринявших русскую культуру, но не забывших и свою, родную, и традиционная русская культура, привнесенная сюда в давние времена с Русского Севера. В обрядовой традиции и в языке немало следов взаимодействия этих культур, особенно в населенных пунктах верховий р.Язьва и на территории среднего и нижнего её течения (см. подробно: Чагин Г. Н. Язьвинские пермяки. История и традиции. Пермь, 1993). Проблема контакта столь разных народных традиций требует специального исследования, особенно сейчас, когда коми-язьвенская культура, язык и фольклор активно возрождаются.

Точно также причудливо соединяются друг с другом, взаимодействуют, особенно в последнее время, традиционная культура собственно православных и культура местных старообрядцев, тех, кто еще в XVIII веке принял старую православную веру. Показательны примеры: называя «*захматами*» (т.е. суеверием, предрассудками) многие древние приметы, старообрядцы тем не менее сами оказываются достаточно сильно на них ориентированными. Отсюда не только запрет на курение, но и запрет курящему копать могилу умершему староверу; требование всегда закрывать любую посуду с пищей, с водой («надо хотя бы палочку сверху положить, чтобы бес не выкупался, ноги свои не ополоскал...»).

Представленные в сборнике материалы призваны дать некоторое представление о культурно-языковом своеобразии вишерского края, особенно в той его части, которая находится в бассейне р. Язьва, об обрядности, о древних верованиях и народном языковом быте. Большое место в них занимает описание системы старинных народных праздников и календарных представлений. Материалы и тексты показывают и современное состояние обрядовой традиции (специфика хозяйственной обрядности, магической практики, мифологических представлений, обрядовая терминология, обряды семейного цикла), раскрывают особенности местной фольклорной традиции.

Составители стремились передать в сборнике лексическое, фонетическое, грамматическое своеобразие местной речи, включить в описание всё встретившееся разнообразие этнографической лексики и народной обрядовой терминологии. Поэтому обрядность представлена в сборнике «изнутри», т.е. такой, какой она видится коренным жителям края, с их слов, в авторской редакции, без литературной обработки; в передаче материала сохранена орфография материала. Можно не верить многим рассказам и приметам, изустно бытующим в народе; можно иронически оценивать их как осколки древности и проявление неграмотности; но нельзя, однако, не видеть, насколько поэтичны и наивно мудры могут быть многие народные сентенции: «если голова болит, надо под березкой постоять, и все пройдет»; «идешь по траву на гору, надо у каждой речки попроситься: «Матушка речка, пусти, я по делу иду».

Мы, участники экспедиции, составители сборника, выражаем крайнюю признательность жителям обследованных деревень и поселков за гостеприимство и радушие, с которым они нас всегда, даже в строгий Великий пост, принимали. Сложно назвать по имени всех старожилов края, носителей и знатоков народной традиции, с которыми мы общались (в тексте сборника мы постарались по возможности сохранить ссылки на тех, от кого записан обряд или песня). Драматические судьбы, непростая нынешняя жизнь наших славных бабушек и дедушек в их бесхитростном пересказе остались в нашей памяти, и мы надеемся, многие читатели, так же, как и мы, увидят, насколько талантливы наши рассказчики – в труде и в способности отдыхать и веселиться, радоваться, в самом владении словом, в оценках окружающего мира.

Составители выражают особую благодарность администрации, отделу культуры Красновишерского района, профинансировавшему и собирательскую работу, и издание настоящего сборника.

1. КАЛЕНДАРНЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БЫТОВЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ

Календарная обрядность

В представлении о временах года в крае очевидны многие архаические черты, в том числе и вера в «симметричность», своего рода «тождественность» холодного и теплого, летнего времени. Об этом своеобразно свидетельствует, например, обрядовый запрет на распространённый в язьвинских местах праздник Кононы (Кононов день): «В этот день чтоб никакой стук не произошел, не то летом громы будут большие. А когда стучим, не понимаем. Вот тогда и наказывает бог – громом». (*Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г. р., с. Верх-Язьва*). Этот весенний (мартовский) праздник выделяется разными формами обрядности: «В день Конона-Гладаря ходили на реку, коней кропили» (Н. Язьва). Вероятно, обрядовая защита коней (когда коней 'градили', т.е. ограждали магическими действиями, иначе – «крестили») была «приписана» празднику потому, что его название, связанное с личным именем Конон, оказалось созвучно слову 'конь'. Изначально же праздник был отнесён к христианскому святому, преподобному мученику Конону. Возможно, освящение коней в марте, перед весенними работами закрепилось, поскольку хорошо вписывалось в общий цикл «подготовительных» ритуалов сельскохозяйственной обрядности, ведь с весны главные заботы крестьянина – подготовка к летним работам.

Природно-географические особенности сказываются на формах календарной обрядности. Например, если в большинстве пермских регионов Егорьев день связывается с обрядами животноводческого цикла (выгон скота, обряды с животными), то в Красновишерском районе отмечен обычай «дарить речку» на Егория. «В Егорьев день идут реку дарить, несут хлеб, денежку, кидают в воду. Это чтоб рыба хорошо ловилась» (В. Язьва).

Для края характерно разнообразие праздничных обрядов, суеврных представлений, приуроченных прежде всего к Рождеству и Крещенью, Пасхе, Троице, Ильину дню. Стоит отметить, что различные формы принимало празднование того или иного праздника у староверов и «мирских», православных. Рождество, в частности, в боль-

шей степени почиталось старообрядцами, а Крещение мирскими; из осенних праздников большая роль придавалась у староверов празднику Казанской Божьей матери, а у мирских – Покрову.

Своеобразно переняли жители края некоторые праздники от соседей коми-язьвенцев. Так, весенний праздник «Сорчик» (иногда – «Сарчик», или «Сырчик»), который и поныне отмечается «в Ни́колу», 22 мая, оказался по душе и русским. Отсюда рассказы: «Сарчик у нас 22 мая праздновали. В этот день птичка прилетала, весну приносила. На полях, на природе пели песни, вызывали птичку и встречали её. Сделают из соломки птичку, повешают её на шест, радуются. Потом сожгут, всё, весна» (В. Язьва). Дело, наверное, в том, что почитание птиц, манипуляции с символическим их изображением хорошо известны и в русской традиции, в частности, как весенние проводы (или «похороны») кукушки, как изготовление орнитоморфного печения на день Сорока мучеников (на Сорок – праздник приходится на 22 марта; специально к этому празднику и в Прикамье пекли ‘жаворонков’, а потом, в дни прилета первых птиц, разбрасывали по полю).

Зимние праздники

Рождество

Разнообразны своими формами проведения, кухней, фольклором рождественские праздники. «До Рождества – пост, к седьмому января уже к шести часам утра готовится разнообразная еда для разговления, всего уж наготовлено. Подростки начинают славить, около домов поют молитвы. Им за то подают стряпанное». «Делали птичку из теста – заведешь как на пельмени, и птичка как сырой пельмень. Потом её в жир кипящий, достаешь, остынет и затвердеет. Тоже из теста просто слепишь. Всякие стряпульки стряпат баба, козульки: то козу, то барана, то кого там, можно собачку, коровку. На Рождество это». (Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г. р., Антипина А. М., 1932 г. р., с. Верх-Язьва). «А мама всегда делала козульки. Это под вид как животных из теста. В печке ставит, мука да вода. Мы маленькие поиграемся, поиграемся козульками на печке, да и съедим». (Зап. от Гурдиной А. В., 1932 г. р., д. Антипино). Обряд связан с особой магичностью Рождества и соотносится с тем, что «в Рождество в церкви за скота молились» (В. Язьва), «в Васильев вечер кур не кормили, чтобы

летом они в огороде не пакостили». (Зап. от Гилевой Г. И., 1932 г. р., д. Палёво).

Обязательным считалось пойти в святочное время на охоту. «Мужиков в Святки отправляли в лес охотиться, а сами бабы пряли кудели, пели». (Зап. от Горшковой Т. М., 1912 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 200а).

«Встречали Новый год в Писаном – был маскарад, потом Крещение. Когда чертей всех окрестят, а батька поп Вишеру окрестит, маскарад бросали. Вишеру как крестили – вырубят во льду крест, и поп там крестит. Из креста воду возьмет и ходит, кропит людей, в любой мороз. А люди кто чем черпают святую воду из иордана, из проруби, и домой несут». (Зап. от Ильиных Ф. И. 1906 г. р., д. Сылучи, архив ПГУ 1986, тет. 328б).

Святочные гадания

По сочню в Сочельник

Особой магией наполнено начало Святок, сочельник. «Девушки утром в Сочельник ворожат. Делала сочень я, испеку. Вчетверо надо согнуть и посередине укусить. Идешь с сочнем, как зовут человека, который первый встретится, такое имя будет твоему мужу. Гадание и сбывается лишь в течение этого года» (В. Язьва). «Если жених смиренный, свинья навстречу пойдет, а если собака, значит, собачий характер будет у мужика» (В. Язьва).

По нитке

Берется хлеб, зола (или печина), кирпич, зерно. Делали ниточку с иголочкой, держат наверху и смотрят, и она показывала, плохо или хорошо жить будешь. Если хорошо жить будешь, игла показывает на хлеб, а если плохо – на уголь, золу и печину.

По поленьям

Гадали девки с вечера, поленья наложат, каждая свое полено поставит в снег стоя, кому помереть, у того полено к утру упадет.

Слушаться

На перекрестке гадали, как жить будешь, хорошо ли, плохо. На развилках дорог садятся девки в круг трое, делают круг из углей из

печки, садятся в него, а то черт задавит. Это ведь тоже ночью. По солнышку-то проведут, чтобы тебя черт не мог схватить-достать. Что ты там услышишь? Если богатый, весело проживешь – там гармошка заиграет, плохо будешь жить – собака воеет. Просто сидят, пологом не закрываются. Кто-то чешет топором деревяшку – это к плохому. (В. Язьва).

Собирались три девушки и шли к колодцу, слушали. Если слышно шум воды, то жених суровый будет. Ходили в церковь ночью, когда никого нет. Если слышали, что молились, если слышали пение — значит, кто-то вскоре умрёт.

В гумнах гадали. На гумне же сторож имеется. Девки-то: «Пойдем в овин, послушаем». Собираются, идут. Сторож слышит – берет собачину и берет плетку себе. Голы попы в овин показывают. Вот, говорят, за богатого ли, нет девка-то выйдет. Если за богатого, тепло жить будет – сторож-то по заднице собачиной проведет, за бедного идти – он голой лапой заденет, или шелкнет. (В. Язьва). Слушаться под чужим окном ходили. Если там песенки поют – свадьба у тебя будет, а ребенка качают, родишь в этом году, скандалят – дак худо жить будешь в семье. (Н. Бычино).

Снегом

На росстань ходили (втроем), начертим круг. На подол возьмем снег, да и трясём. И говоришь: «Снег, снежок, где колокольчик споеет, где собачка слает, там и мой женишок». Где голос послышится, оттуда и муж будет. Снег пололи: поешь: «Полю, полю снежок, где же мой женишок, туто взлает собачка». (Зап. от Кичигиной Е.И. 1905 г. р., д. Говорливое, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 52). Брала лучинку, оба конца обжигали и проводили ими вокруг себя круг. Затем заходили в круг, загребали снег в подол и трясли. Трясешь и поешь не помню, что именно пели. Возле кого лучина падала, тот и жених. (Зап. от Кичигиной Е.И. 1905 г. р., д. Говорливое, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 53).

Разновидность гадания со святочным снегом – *хлопать снег*, когда в звуках старались услышать имя жениха. «Бегали с подругой снег хлопать. А навстречу лошадь с колокольчиками едет. Ну, мы разбежались, а потом ко мне и верно с колокольцами, свататься приехали». (Зап. от Малаховой О. С., 1921 г.р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 213).

Гребнем

Еще так гадали: брали гребень в баню. Сунешь в шелку, вытащишь. Какой волос на нем будет, такой и у жениха будет. (Зап. от Кичигиной Е.И., 1905 г. р., д. Говорливое, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 54).

Ложками

Гадали в Святки, в Васильев вечер – ложки морозили. Если в ложке ямка, к худому, а с горбушечкой – к хорошему. В ложки черпали воду из-под пельменей, в Васильев вечер уж обязательно пельмени были. (В. Язьва).

По звездам

Смотрели звезды в Святки. Бывает, небо обсыплет, столько звезды, это уж к ягодному лету.

По стеклу

Смотрели в Рождество рисунок на стекле от мороза. Если кустисто на стекле – это к добру.

По зерну

На Рождество обязательно надо пол вымыть, потом ночью лезут под стол да под лавку искать зернышко. Если нашел, значит, урожайный год будет.

Петухом

Нужно положить на пол кольцо, зерно и чашку с водой и пустить петуха. Если петух выберет воду, то муж будет пьяницей. Кольцо — бл...дун, зерно — богатый.

Былички о святочных гаданиях

Святочное время воспринималось как особо «опасное», как время активизации нечистой силы, в связи с чем до сих пор в крае распространены страшные рассказы. «На Святки ходили, слушались на гумно. Пошли мы три девушки слушаться, а одна боевая была, загадала сама на себя, что если брат её живой, война ведь была, так чтобы гармошка заиграла. На гору поднялись, углем очертились, и стоим. И тут вдруг такой ветер сильной поднялся, деревья ломались, мы и бе-

жать. Это уж от нечистого...» (*Зап. от Паршаковой П.С., 1900 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 169*).

На Святках ходили девки слушаться. Встали на коровью кожу, очертились, а хвост—то не очертился, забыли очертить—то. Ну, вот, встали, и вдруг оказались далеко-далеко от этого места, уволокли это черти. Их нашли токо через много дней. (*Зап. от Паршаковой П. С., 1900 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 171*).

Было это с моей знакомой, почти подругой. Она с девушками под Рождество взяли кожу быка, принесли её на перекресток дорог и сели на нее. *Ожегом* (т.е. обожженной палкой, используемой вместо кочерги) очерчивают бычью кожу кругом, но оставили нечаянно неочерченным хвост. За хвост схватил чёрт и поволок их до Рябинина. Потом хвост оторвался. Пришли домой в три часа ночи. (*Зап. от Вако-ринной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 6*).

Я малюсенька, десять лет была. Пошли на гумно. Там днем молотили, а ночью мы пошли слушаться. Очертили круг и слушаемся, а там слышно, черти молотят. (*Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 95*).

А вот еще шутили бывало: на росстань девки пошли слушаться. А кто—то днем солому поставил, ровно человека, на дороге. До гумна ночью стали добираться девки—то, глядят, кто—то стоит. Побежали, смели друг дружка, а потом только очухались, догадались. (*Зап. от Горшковой Н. С., 1906 г. р., д. Усть-Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 127*).

Гадали с блюдцем, водой и золой, с яйцом. Одна девка загадала, когда отец на охоте был, собаки обратно прибежали. И вышли ей могила и две лопаты. А потом они поехали — он мертвый. В голбце с зеркалами две солдатки гадали, у одной выпал живой мужик, у другой — могила. (*Зап. от Паршаковой А. С., 1917 г. р., п. Вишерогорск, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 3*).

В одном доме сидят девки, соберутся. Сидят-сидят, пол ходуном как заходит: черти под полом—то. Они в стенку давай батогами торкать, девки—то. Черти и замолчат. Придешь в избу, пол-де развороченный. Это уж черти были. (*Зап. от Горшковой Н. С., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 136*).

Святочное славление

Рядились, ходили по домам. Сначала пели рождественскую молитву, а потом славили: кто деньги дает, кто козульки из теста. Специальная сумка была для козулек. Давали шаньги, пироги — кто что может. По три-четыре человека ходили славили. Рядились ходили: «Славите, славите, вы меня не знаете, я наелся творогу — больше славить не могу». (*Зап. от Кичигиной Е.И., 1905 г. р., д. Говорливое, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 50*). Пели также: «Славите, славите, шею не свихните, голову сломите, солому в ж... напихните». (*Зап. от Шлегера А. Ф., 1913 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 49*). В других случаях пели: «Рождество, Рождество, прикатилось под окно, дайте мне-ка пяточок, я Иванов мужичок». (*Зап. от Кичигиной Е.И., 1905 г. р., д. Говорливое, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 51*). «Колядочный» мотив представлен в следующей «славке»: «Славите, славите, вы меня не знаете, я Иванов парничок, дайте пряничок, если нету пятака, подавайте табака, если нету табака, возьму корову за рога». (*Зап. от Горшковой Н.С., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 103*). Пели также: «Рождество, Рождество прикатилось под окно, по поличам, по голичам по печену хлебушку». (*Зап. от Горшковой А. А., 1909 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 192*; здесь *голица* - лыжи; *полица*—доска, полка у печи).

Шуликины

На Рождество дети наряжались *шуликинами*. привязывали подушки на спину, как горб, делали маски из бумаги. Шуликины безобразничали: делали на крылечке наледь, воду нальют, заморозят, двери приморозят. Пугали шуликинами. Шуликины—то из воды выходят, а потом за собой в воду уводят людей. Стары люди говорили, что шуликины ночью выхаживали с речки. У кого дом у реки — дак весь шёлком утянут с саней. Они на маленьких лошадках ездят, по углам шёлк растягивают. Это все бесовское. Какими-то старичками выглядели, маленькие такие, маленькие старушки. Из проруби выходят, детей пугают. (Паршаково). Шуликаны на конях едут с песнями, с бала-лайками, все вместе едут на реку. Это кажется вроде как. Когда воду приносишь, надо уже с вечера все натаскать, а ночью поздно, нельзя. Ты принеси, и заодно шуликина принесешь. Он будет как человек, совсем маленький такой. В Крещение несут воду при солнышке, вечером в воде уже шуликаны сидят. (В. Язьва).

К корове в Крещение ходят при солнышке, не то шуликана в хлев пустишь. (Антипино). (*Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 26.*)

Надо ставить везде кресты на окно. На ворота, чтобы не дошли шуликаны. Надо укараулить их и вытащить у них с возу кусок шелку. Я и сама рисовала крест на заборе, чтобы шуликаны не зашли. (В. Язьва).

Слыхала, шуликаны приехали за старухой, чтобы помогла разродиться женщине. Где была, не знают, а только приехала с богатством. (*Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 19.*)

Было лично со мной, на Святках. Шла из лесу, робила там, в свою деревню. Встретила на дороге трех человек на вороных конях, на них тулупы с большими воротниками. Они и говорят: «Девушка, далёко тут деревня?» Я говорю, что километра два. «А ночевать пустят?» - «Пустят,» - говорю. «А ты поедем с нами.» Звали долго, но руками не трогали. У меня на них подозрение - увезут, шуликаны, наверное. Потом пришла и дома все рассказала. А мне говорят, что никто не просился ночевать-то. Это уж верно шуликаны были. (*Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 23.*)

В Язьве было, на Крещение. Пришли к одному хозяину два мужика, попросили сани. Хозяин—от и дал, не пожалел. А они, как уходить-то, и говорят: «Спасибо—то там, у ворот, стоит». Он вышел, поглядел. А там корова стоит. (*Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 24.*)

Ряженье

На маскарад, это на Святки, делали чучела. Маски из бересты делали: рот, глаза вырежут, уши из тряпок сделают, веники навешают на грудь, так и ходят. (Аралово). На Святки рядились медведем: шубу перевернут, оденут шапку, сажей лицо измажут; тоже лесным чертом: шубу лохматую, шапку, к ней рога пришивали, сажей лицо измажут. (В. Бычино). Маскарованные лицо марлей закрывали или мазали сажей, да зубы делали из картошки. (Н. Бычино). На Святки ходили по деревне, увешают себя дружками веников, ходят, с песнями и шутками. (Н. Язьва). На Рождество маскировались, катались на конях, в сани запрягали одного коня. Его украшали вениками, полотенцами, пели песни.

На Святки рядились охотником: шубу перевернут, брюки оденут, на одном плече ружье, на другом лыжи, в мешок живую собаку посадят, на голову шапку оденут. Охотник идет и говорит: «Я на охоту ходил, да лису поймал». (Палёво).

На Святках рядились — это дурь была. И сама я наряжалась. Девчонка — стариком, парень — старухой. Бегали слушать, как через степь собака лаяла. Куда залает — за того замуж пойдешь. На Святках и на масленке гармошка играла, а балалайки не было. (*Зап. от Собяниной А. Н., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 2.*)

«Чудесили разню о Святки. То возьмут, воду со снегом наморозят на порог, на косяки, приморозят дверь, хозяева выйти не могут». (Н. Язьва). О Святки маскаровались. *Шуличничать* ходили ряжеными. Шили цветные юбки, которые поярче, или большие халаты надевали. Заходили в дома и песни пели, в основном, частушки, плясали. Полушубки выворачивали, так и ходили. (В. Язьва).

Святочные игры

На Святках делали игрище. Из тряпья, табуреток делали лошадь и мельницу. Девушки сидят на лавках, собирались-то в избе, специально снимают. Парни берут девушку и ташат её в балаган. Там стоит мельница. Крутят жернова с колокольчиками. Жернова крутят, если девушка гуляющая, чтобы не слышно было, как она кричит. Издевались можно сказать, так шутили. Одной вот девушке подошву отрезали, мол, лошадь надо ковать, а копыто-то надо подправить... (*Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 4.*)

Играли в «покойника». Одну девку срядят, белым закроют, на столе лежит. Батюшко придет, отпевает: «Господи, помилую Акулину милую, во имя отца и сына и святого духа, чтобы не было твоего брюха». (*Зап. от Усаниной Е. Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 111.*)

Играли — «цыплят выводили». Приготавливают два ведра воды с сажей. Зовут потом маленьких, садят среди полу. На маленьких ребят надевают сверху корзину, как закроют, с предлогом выводить цыплят. Они сидят, а на них возьмут да выльют два ведра воды с сажей. Получаются чёрные цыплята. Вот смеху-то. (*Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 5.*)

Масленица

Масленица начиналась с понедельника, а гуляли, пировали больше всего с пятницы. Катались на лошадях, лошадь украшали ленточками, колокольчиками. Запрягали одну лошадь в сани, дорога тут у нас была узкая. Но лошадей было много, по деревне целый обоз катился. Когда катались, пели частушки, длинные песни не пели. Старые и молодые собирались отдельно, молодые парни и девки собирались вместе и гуляли с гармошкой. Верхом в масленицу не ездили, все на санях.

В Масленицу делали катушки. Катались и старые и молодые вместе, на чём попадя – на соломке, на бересте. В воскресенье был Целовник, собиралось много людей. Гостились, всех ходили друг к другу, разделений между близкими и гостями не было, всем к столу подавали одинаково. В Чистый понедельник уже был пост. Пиво не пили, сколько были остатки, отдавали скоту. (*Зап. от Антипиной А. И., 1910 г. р., д. Антипино, архив ПГУ 1986, тет. 361, № 101*).

Пировали не всю неделю, с четверга до воскресенья больше-то. Запрягали по три лошади и катались и стар, и млад, два дня. Потом катались с катушек. Катались в основном молодежь, старики не катались. (*Зап. от Антипиной Е. Т., 1910 г. р., д. Семьино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 102*). Катались в пятницу, а когда катались, то разные песни пели. Лошадь украшали ленточками, звоночками. В логу делали катушку, на ней катались всю масленицу. Катались все. Старая соседка моя и та, боялась, а каталась. Ухает старая и катится. Катушка-то длиннущая была. В последний день масленки был целовальник. В Чистый понедельник начинался пост, старые люди прощались. В масленку на стол подавали сначала рыбный пирог, холодец, а потом суп, пельмени и всё, что настряпали. (*Зап. от Антипиной А. Ф., 1909 г. р., д. Антипино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 103*).

На Масленице гулять начинали со среды, четверга. Подавали сначала рыбный пирог, потом рыбный суп, потом печеное. Ничего мясного не делали в эту неделю, потому что мясоед кончился. В воскресенье было целование. Прощение начинали просить ещё в воскресенье вечером, и просили весь Чистый понедельник. (*Зап. от Гилёвой А. И., 1920 г. р., д. Ваньково, архив ПГУ, тет. 361 № 105*).

На Масленице подавали только всё рыбное, мясного не было; было молоко, масло, словом, всё, кроме мясного. Катались беспрестанно, песни пели, и короткие, и протяжные. На лошадях катались

больше молодые. В Маслену делали катушки, катались молодые, старые – редко. Делали чучело из соломы – как баба, сделают. (*Зап. от Антипиной В. Е., 1906 г. р., д. Макарово, архив ПГУ, тет. 361 № 106*).

В масленку катались на лошадях от Орефы до Колчима. Лошади тогда были свои. То одна девка у отца коня попросит, то друга, мы и катаемся, каждый день. Весело было. (*Зап. от Лыкосовой М. А., 1908 г. р., д. Орефа, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 70*).

В масленку стряпают, пируют, гуляют. Катались, сани волокут вместо лошадей на гору, потом едут вниз. Мать, бывало, мне говаривала: «Нет, девка, никуда не поедем, масленка у каждого своя». (*Зап. от Шмидт В. И., 1927 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 153*).

На масленку катались на лошадях, лошадей украшали ленточками. Запрягали пару лошадей, три дня гуляли с пятницы. Потом - Чистой понедельник. Поп ходил, грехи собирал. А в праздник делали из снопов ржаные чучела. Девки пели песни протяжные, старухи им подпевали. Ездили с молодыми, кто недавно женились. Немного проедут с молоденькими – то до избы, так поют здорово, что горы стонут. Против Писанки Саратовая гора - все отдаёт. При колхозах на масленке уж не катались на лошадях. (*Зап. от Собяниной В. К., 1913 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 165*).

Перед Масленицей поминали умерших, дома, на кладбище не ходили. Ещё катались на санях, запрягали лошадь с бубенчикама. На Масленицу рядились, как и на Святки. Ходили по гостям. На Масленице подавали сначала вино, потом - пиво. Вино только близким и родственникам, а пиво всем. (*Зап. от Собяниной А. Н., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 1*).

В Масленку катались на лошадях, навязывали веник на дугу, на упряжь или на оглобли. Зачем веник-то? Да не знаю. На развалах насядут ребетня, едут, потом на большой круг выезжают, это как откачались, едут на большой круг по всем деревням, уже едут друг за другом – это Масленица едет. (*Зап. от Кичигиной Т. А., 1917 г. р., Н. Бычино*).

Чистый понедельник – уж всю посуду перемяют, в баню сходят сами-те. На стол самовар поставят, всю еду от Масленки на сухари, потом скоту скормят.

Весенние праздники

Великий четверг

В Великий четверг за скотиной следили, как она стоит, корова-то, смирно, дак всё с ей будет хорошо на лето. Святили ее, брызгали святой водой (В. Язьва). Что делали в четверг - смешно сказать. Надо раздеться и огород кругом обойти, чтоб курицы летом в огород не лазили. (*Зап. от Гилевой Г. И., 1932 г. р., д. Палёво*). Утром в Великий четверг надо обязательно овец запятнать - отрезать правое ушко, сажеей замазать, чтоб знать свою овцу, когда выгоняешь первый раз на пастбище.

Помело было, им в печке метешь. Это помело меж ног, и кругом *коромину* (т.е. двор, постройку) объезжали, в четверг, перед Пасхой. Это чтобы береглось, вот все утром и еживали. А где-то клопов выводили еще, говорят, в Великий четверг.

Считают утром деньги, чтоб деньги водились. Одежду перелаживают с места на место, чтоб барахло велось дома. Всякие горшки ломаные, колья же были - огород городили дак, на колья повесят, кто черепочек, кто че там, старые обулки повесят туда, чтоб курицы были целы и чтоб в огороде не лазили. (*Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г. р., Антипина А. М., 1932 г. р., с. Верх-Язьва*).

Надо в Великий четверг испечь просвирки: три сочня друг на друга - большой, средний, маленький. Сверху крестик из теста и соль сверху кладут. Стряпали просвирки утром. Этой солью надо посыпать скотину. Одну просвирку нужно оставить до Вознесенья и потом в Вознесенье её съешь.

Четвергову соль делали. Возьмешь рано утром, положишь соли в солоничу, закроешь и хранишь. Потом она пригодится. Вот у меня ребята когда приезжают погостить, потом обратно в дорогу, я уж обязательно им перед дорогой солью посыплю, чтобы доехали. (Цепёл).

В Вербное воскресенье в церковь несли вербу и на божничку ставили, потом постоит, и эту вербу бросали во двор.

Пасха

Ходили молиться ночью, *кружили пеньём* вокруг церкви, три раза. Со свечами, с тремя фонарями, пели: «Христос воскресе и ровным живот дарова», «Пасха священная нам показалася», «Слава, Ие-

русалим, слава Господня на тебе воссияй. Ликуй, веселися сегодня, Ты же чистая, красуйся, Богородица, восстань же Рождества твоего».

Христовы яичка на Паску как красили - масличко растопишь коровье, в его палец макнешь, тюкнешь яичко, потом кладешь в отвар луковый, в шулушуну-ту, оно и будет пестрое. Оно потом год лежит, вовсе не пахнет, только иссохнет все. (В. Язьва). Если яйцо лежало от Пасхи до Пасхи и его никто не задевал руками, оно «*освежалось*», его потом можно было даже съесть. Оно жило до следующей Пасхи. Потом сжигали в печке. (Н. Бычино). Клади яйцо на божничку – Христу надо, потом это яйцо надо было бросить в речку. (В. Язьва).

В Пасху *пеньём поют*. Это большой престольный праздник. На Пасху не принято работать было, от воскресенья до воскресенья, только в церковь ходили, несли в церковь яйца, к кресту ставили. Потом угощались, говорили, что водку надо обязательно стаканом подавать в Паску. (В. Язьва).

К Пасхе женщины должны были уже все закончить с качеством и кросна вытолкнуть из избы, а в доме все помыть. (В. Бычино). На третий день Пасхи икону ставили в зерно, в жито, в тазу. Поставим на стол и молимся. Поп придет, все богу молятся. (*Зап. от Горшковой Н. С., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 144*).

На Пасху делали качели, «плясать-то грешно». На качелях качались, пели: «Пасха пришла, Пасха священная, Пасха нам днесь показалася». (Антипино).

Утром придешь, скажешь: «Христос воскрес!» Ребята сошлись, играют яичками. Топоры занесем в избу, давай с топора их упускать. И вот два топора поставили, и он пускает яичка, и я пускаю. Если его яичко о мое стукнулось, я у него яичко забираю. Я выиграл. Судья есть тоже. Играть хоть на улице, хоть в избе можно. (*Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г. р., Антипина А. М., 1932 г. р., с. Верх-Язьва*).

После Пасхи Проникновенье. Всяко стряпают: шаньги, пироги, творожники, хворост. Всё молочное, с маслом. (*Зап. от Лыкосовой М. А., 1908 г. р., д. Орефа, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 70*).

Троица

Семик

На седьмую неделю после Пасхи – семик. Идут на кладбище, поминают. Поп ходил, собирал шаньги, служил на каждой могиле, ба-

бы плачут. (Губдор). В Духов день нельзя в огороде работать, потому что Земля – именинница. Ходили в этот день на кладбище «со стряпней». На свежие могилы обязательно нужно нести выпечку. Еду там оставляют, чтобы птички клевали.

Троица

В Троицу березки ставили на лужайке, у каждого дома, а у церкви березку сажали. На лужайке березку украшали ленточками, пели, играли около нее. Девушки собирали цветы, траву и несли в церковь. Травой устилали пол в церкви, цветами украшали стены. На Троицу красили яички зеленым – крапиву заварят, и красят. Еще красили – березку принесут из лесу под окошко, с нижних веток, их обрубят, лист возьмут, заварят, в этом и красили. (В. Язьва).

После Троицы воскресенье – Дурное Загонье. Утром стряпают шаньги, вечером собираются, поют песни, водят хоровод. Стряпают пельмени. На следующий день и в другие дни едят только постное. (Губдор).

Много играли на Троицу, балалайка раньше была, а потом гармошка. Лишь бы повеселиться, балалайки нет - дак в заслонку стукали и плясали. Разные песни девки в Троицу пели, и долгие тоже:

Из-под белой-то березы, из-под белой-то березы
Протекала речка, ой, протекала речка,
Речка невеличка, ой, речка невеличка,
С берегами ровна, с берегами ровна, ой.
Ой, по етой по реченьке, ой, по етой по реченьке
Плывет селезенька, ой, плывет селезенька.
Скажи, утка-селезень, скажи, утка-селезенька,
Всю сухую правду, ой, всю сухую правду,
Про батюшку, про матушку, про милого дружка, ой,
Про милого дружка.

У батюшки, у матушки, у батюшки, у матушки
Кони не поёны, ой, кони не поёны.

Чуют, чувт эти кони, чувт, чувт эти кони
Над собой невзгоду, ой, над собой невзгоду.

Что невзгоду, ой, невзгоду, дальну путь-дорогу, ой,

Дальну путь-дорогу... (Зап. от Щеткиной Л. Е., Щеткиной Н. В., 1915 г.р., в д. Ратегово, архив ПГПУ тетр. № 359, текст № 22).

Вариант этой песни повествует о поведении в браке:

Из-под берёзы, из-под белой да из-под берёзы вытекает речка.
Вытекает речка, да речка-невеличка, речушка мутная.
Нельзя, нельзя воду пити, нельзя почерпнути,
Нельзя, нельзя жену бити, нельзя поучити,
Уж я бил жену часочек, плакал весь денечек.
Прослезил я свои очи за четыре ночи.
Кои ночи покорооче, кои подлиннее.
Ой, жена, ты, моя женка, женка молодая,
Твоя воля надо мною, хоть куда с тобою.
Хоть я в море, хоть я в воду, в каменную печуру,
Хоть я в каменную печуру, везде за тобою.

Мотив брака, гостыбы у тещи звучит в исполнявшейся на Троицу песне «Доски новые»:

Доски новые, кленовые, доски новые, кленовые,
Да не дают да на новы доски ступать,
Да одна девка, да она всех посмелее была,
Да на новые ступывала,
Да каблуком доски проламывала.
Были саночки новенькие,
Кошовочки зеленые.
Да по кошовочке зелененькия,
Да во кошовочке красна девица сидит,
Да на беседке добрый молодец сидит,
Да он вожжичкима потряхивает,
Да шелковой плеткой помахивает,
Да ко тестю приворачивает,
Да ко тещиной горнице,
Да ко невестиной светлице,
Да хлебать, хлебать кашу заспенную,
Да приедать блины маслянные.
(Зап. от Жуневой А.С., 1903 г.р., в с. Губдор, архив ПГПУ, тетр. № 359).

Песня «В саду девки» развивает типичный для троичской поэзии мотив брака со старым мужем:

В саду девки, в саду девки,
 В саду девки гуляли, да в саду красны гуляли.
 Цветы рвали, цветы рвали, цветы рвали, собирали.
 Венки плели, венки плели, венки плели, завечали.
 Уж кому я, уж кому я, кому я достануся.
 Досталася, досталася да старому да хмурому,
 Да старому да хмурому.
 Уж как буду, уж как буду, буду стелить постелю спать,
 Буду стелить пуховую.
 Хожу, стелю, хожу, стелю, хожу, стелю я постель,
 Хожу, стелю я пуховую.
 Уж в три ряда, уж в три ряда, уж в три ряда-рядочика,
 В три ряда-рядочика.
 Уж первый ряд, уж первый ряд каменю колючую,
 каменю колючую.
 Уж второй ряд, уж второй ряд да щипичу колючую,
 Да щипичу колючую.
 Уж третий ряд, уж третий ряд
 Крапиву колючую, крапиву жгучую.
 Уж спи, мой муж, уж спи, мой муж,
 От веку и до веку, от веку и до веку.
 (Зап. в д. Ратегово, 1998).

Пели в хороводах и песни любовного содержания:

Была прежде воля, была прежде воля.
 Ой, как с етой-то волюшки да нажил сизо перьё,
 Нажил сизо перьё, златы крылышки,
 Да улетел далеко.
 Столь далеко, сколь высоко, понизу спускался.
 Сел на окошечко, сел ворковати.
 Свою любушку, свою сударушку стал вспоминати.
 - Ой, ты, любушка моя, сударушка, какова здорова?
 - Расплохо мое здоровье, плохо, никудышно.
 На сегодня ноченьку я да не сыпала,
 Своего друга милого я да всю ночь дождала.
 Я насили дорогого дождалася,

Я да белыми руками обнялася,
 Я горячими слезами улилася.

(Зап. от Щеткиной Л. Е., Щеткиной Н. В., 1915 г.р., в д. Ратегово, архив ПГПУ, тетр. № 359, текст № 27).

Песня «Сырой бор горит» по сюжету является типичной любовной песней, однако включалась в троичские, вероятно, в связи со своей распевностью:

Сырой бор горит, сырой бор горит.
 Да, ой, люли-люли, да сырой бор горит.
 Да сырой бор горит, да разгорается,
 Да, ой, люли-люли, да разгорается.
 Да будто милый мой да размогается,
 Да, ой, люли-люли, да размогается.
 Да запросил милой да ключевой воды,
 Да ключевой воды да со Дунай-реки.
 Да во первом часу да пошла по воду.
 Да во втором часу да воду черпала,
 Да, ой, люли-люли, да воду черпала.
 Да во третьем часу да на гору взошла,
 Да, ой, люли-люли, да на гору взошла.
 Да на гору взошла, да ко мне весть пришла,
 Да, ой, люли-люли, да ко мне весть пришла.
 Да весть нерадостна да невесёлая,
 Да, ой, люли-люли, да невесёлая,
 Да будто мой милой да успокоился,
 Да, ой, люли-люли, да успокоился.
 Да успокоился, лежит на лавочке,
 Да, ой, люли-люли, лежит на лавочке.
 Да полотном закрыт да беленьким, новым,
 Да, ой, люли-люли, да беленьким, новым.
 (Зап. в с. Н. Язьва).

Песня «В огороде-то елочка» (зап. в с. Н. Язьва), возможно, является включением в троичскую обрядность свадебных песен, что в принципе нередко встречается в народной обрядовой традиции:
 В огороде-то ёлочка, да в огороде-то ёлочка,
 Да зеленым-зеленёшенька, да зеленым-зеленёшенька.
 Да как у этой ёлочки да есть и прутья проволошные,

Да прутья проволошные да коренья жемчужные.
 Да как у этой у ёлочки да есть вершиночка с маковкой.
 Да то какие жё коренья, да то у ё резвые ноженьки.
 Да то какие жё пруточки, да то у ё белые рученьки.

Многие песни, как песня «Зайныка», сопровождали круговой танец и «разыгрывались»:

Зайныка, попляши, серенький, попляши,
 Вот как попляши, зайныка, во кружок,
 Серенький, во кружок.
 Вот-вот едак, во кружок,
 Вот-вот едак, во кружок.

(Зап. от Горшковой Н. И., 1905 г. р., д., Усть – Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 80).

Хороводная песня «Соловейка» исполнялась в характерной для троицкой молодежной обрядности поцелуйной игре:

На зелененьком на лужочке,
 Как у девушек во кружочке,
 Еще стоял наш соловейко.
 Еще стал соловейко шевелиться,
 Свои крылышки распускати,
 По себе ровнюшку выбиратьи...

(Зап. в с. Н. Язьва; Парень, исполнявший роль соловейки, в конце игры выбирал одну из девушек и целовал её).

Круговая песня «Посеяли девки лён» основана на использовании другого мужского символа – воробья:

Посеяли девки лён, посеяли девки лён,
 Вохдолы, вохдолы, вохдолы.
 Повадился во лёнок воробушек,
 Воробейко залетал, залетал, залетал,
 Красну девку замечал, замечал, замечал.

(Зап. от Горшковой Н. И., 1905 г. р., д., Усть – Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 78).

Нередки на троицких гуляниях и шуточные бытовые плясовые песни, типа распространенной песни о стряпочке:

Наша стряпочка неряха, наша стряпочка неряха,
 Растворила ничего, поставила на чело,
 Поставила на чело, три неделюшки цвело.
 Две неделюшки кисло – не выкисло.
 На четвертую неделю стала мяконьки¹ пекчи.
 На четвертую неделю стала мяконьки пекчи.
 По подлабочкам валяла, на пороге загибала,
 На печи в углу пекла, клюкой выволокла.
 Склала в коробок, поехала в городок.
 Никто мяконьки не купит, никто даром не берет.
 Приходили два Ивана, они брать-то их не брали,
 Только цену положили, только цену положили -
 По три деньги каравай, хоть куда его девай,
 Каравай, каравай, кому хочешь, продавай,
 Хоть куда его девай, хоть свиным его бросай.
 Свиныя рыло обмарала, три неделюшки хворала.
 На четвертую неделю свиным рылом гроб накрыли.
 Ах, ты, свиныюшка-свиныя, обожралася...

(Зап. от Щеткиной Л. Е., Щеткиной Н. В., 1915 г.р., в д. Ратегово, архив ПГПУ, тетр. № 359, текст № 19). Песня нередко исполнялась на свадьбах, на праздниках вообще.

Летние праздники

Аграфена Купальница

На Аграфену Купальницу надо веники плести. Свежие веники принести и показаться ими в бане. Первый веник, которым парились, его кидают на крышу. Бросить веник наотмашь через голову назад себя на крышу. Куда комлем упадет, если к кладбищу, то умрешь. У каждого свой веник. В середину веника клали купальницу - желтые цветы. Попаришься, второй раз этот веник уж держать нельзя. Еще потом после бани надо сходить искупаться. (Зап. от Гилевой Г. И., 1932 г. р., д. Палёво).

¹ Мяконек – каравай.

Иван Купала

В Иванов день надо водой обливаться шибко рано. Воду берешь прямо с родника. Обливаешься прямо одетый, это надо для здоровья. На праздник Ивана Купалы топили баню, потом шли к реке и веник, которым парились, пускали вдоль по течению, замечали, как он поплывет. Если плыл - год будет хороший, тонул - плохой. (Н. Язьва).

Хороводов не водили на Купалу, а вот веники вязали. Сколькo человек семья, так на каждого веник сделают. Речки рядом у нас нет, мы не бросали веник в речку, бросали на крышу бани. После мытья голые выбегали и бросали веник на крышу. Если веник упадет к церкви тем местом, где он связан, то умрешь. А нет, то жить будешь. (*Зап. от Вакуриной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 11*)

День Ивана Купалы воспринимался как мистическое время, в которое можно колдовать и даже учиться колдовству. «Вот здесь мурашовник. Надо поймать две лягушки, положить в этот мурашовник, а потом они, мураши, съедят их до косточки. Только когда ты это делать будешь, назад не посматривай. Назад посмотришь - тебя поймут два эти беса, эти лягушки. Поймают, убьют и съедят. Это надо делать в Иванов день, 7 июля, в самую ночь. (В. Язьва).

О цветущем папоротнике

В ночь на Ивана Купала папоротник цветет. У нас один пастух звал с собой ребят, да так один и пошел, не пошли с ним никто. Говорят, надо сидеть долго, ждать, когда цветок зацветет, разложить на ладони платок и ловить туды цветок-от. Вот пастух-то и поймал его. А тут видит, что люди какие-то на лошадях едут, а позади них - воз золота. Они говорят ему: «Дай цветочек, а мы тебе лошадей с возом отдадим». Он и отдал им, оглянулся, пришел в себя - ан на собаках едет. (*Зап. от Вакуриной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 21*).

Раньше-то показывались бесы-то, когда им надо. Вот праздник Иванов день, в 12 часов ночи надо идти за папоротником. У папоротника есть цветок. Если этот цветок найдешь, сдернешь да убежать успеешь - счастье у тебя будет. А нет - тебя бесы поймают. Цветок этот алый. Если поймаешь, счастлива на всю жизнь будешь, у тебя деньги будут, и всё будет. (В. Язьва).

Петров день

В Петров день ходили из деревни в деревню, гостились. Особенно у староверов это большой праздник.

Готовили в Петровский пост почему-то все больше дуб, ивовую кору. С дуба ивняк надерешь в Петров пост, истолчешь, в воду испаришь, муку положишь - насквасишь. Потом туда кожу - она там красится, красная краска-то получается. (Паршаково).

Осенние праздники

Среди осенних праздников наиболее динамичным, сопровождаемым особыми обрядовыми действиями и мифологическими сюжетами, был Ильин день.

Ильин день

Ильин день - надо до него веник успеть сделать. Потом лист будет падать, не крепкий. (*Зап. от Кичигиной Т. А., 1917 г. р., с. Верх-Язьва*). После Ильина дня купаться нельзя, так как за кустиком трава не сохнет, косить нельзя, так как роса не сохнет. (*Зап. от Гилевой Г.И., 1932 г. р., д. Палёво*). С Ильина дня в воде волос будет, купаться будешь, он попадет, вопьется, и ничем не вылечишь. Поэтому не купались с Ильина дня. (Н. Бычино).

У нас в Романихе Николин, Петров, Ильин день - три праздника. В них работать нельзя. У нас на острове два брата работали, оба стожъё метали. Ну один до Ильина дня все сработал, а другой не успел: «Ну вот в Ильин день погода хорошая, ну я и поработаю» - он думал. Тут как туча пришла, как гром ударил, у него оно и сгорело. Больше того, и рядом все сгорело. Тоже ведь говорили ему. Нет, уж я буду голодать, а работать не буду. (*Зап. от Ильиных А.Г., 1913 г. р., д. Бахари, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 160*).

В В. Язьве престольный праздник - Ильин день, в другой - Петров день. Носили с собой пиво. Че делали-то - привязывали к себе колокольца и ходили весь день с колокольцами. Одна баба под юбку привязала. Весь день ходит с нами. То ли корова, то ли лошадь - бубенчики звенят, и не знаем. Только к концу узнали - на Ильин день это так делали раньше.

В этот день Илья-пророк - именинник. Любая работа в Ильин день напрасна. Она обязательно будет испорчена. При колхозе зароды

в Ильин день «сгребёны были, сметёны – сожглись». (*Зап. от Кичигиной Е.И., 1905 г. р., д. Говорливое, архив ПГУ 1986, тет. 328б, с. 40*).

Представления о нечистой силе

Народные демонологические представления в крае чрезвычайно распространены, что вообще характерно для мест, где взаимодействуют разные типы культур. Свообразием является и то, что, в отличие от многих регионов Прикамья, здесь, на севере, в лесном, таежном крае широко распространены мифологические сюжеты с участием лешего.

Нечистая сила (бес) может показаться как большого размера заяц (Н. Язьва). Во многих быличках говорится о мифическом медведь-оборотне. «Отец мой ходил лесовать. Убили медведя, ему отрубили голову и покинули на пень, а голова зашевелилась. Разрезали медведя, а под кожей огниво. В огниве деньги были, это он был человеком, а его превратили в медведя». (*Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 106*).

«Один медведь сам пришел на охотника. Говорит: «Только не бей, а распори». Шкуру- то распорили, а из шкуры вышел человек. Тоже оборотень». (*Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 107*).

«Слыхала от людей - один мужик зашел в избу, а за ним медведь мокрый-мокрый, завалился на камни за печку. Ну и вот, утром встал, ушел медведь. Дядька его не убил. Потом дядька тот приехал в Чердынь, аккуратно его там мужик встречает. «Чем, - говорит, - тебя награждать?» Тот и ужаснулся. «Что это, зачем это – не надо». - «Помнишь я у тебя был, грелся. Нас было двое, шли через речку. Другой медведь тот утоп, а я нет». Оказывается, оборотни-то бывают». (*Зап. от Собяниной А. Н., 1906 г.р., д. Усть- Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 7*).

В крае фиксируется разнообразие форм обрядовой защиты от нечистой силы. Если кажется по ночам нечистая сила, брали с собой в постель маленького ребенка. (Н. Язьва). Верят, что помогает от бесов печь. «Говорят, печка хранит от бесов, ей никто не касался, никакая сила. Намажешь кресты на печке, а все равно лежишь и боишься». (*Зап. от Усаниной Т. М., 1919 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 107*). Крест на двери рисовали от чертей, чтобы черти отстали.

(Акчим). «Молитва «Господе Иисусе» помогает от нечистой силы, её надо читать при выходе из дома, когда в лес заходишь. Крест с собой если, то убережешься. Только крест надо носить до пупа. И креститься так же – до пупа, делать полный крест».

О суседке (домовом)

Суседко «следит» за порядком в дома. Нельзя спать поперек половиц - суседко придет давить (Н. Язьва). Суседиха изнашивает сапоги, если сушить не поставить. (В. Язьва).

Вот когда прядем, чего делать. Я вот попряду да уложу прялку, всегда говорю: «Оставайся с богом, со крестом». А то все напутает суседка этот. (*Зап. от Ильиных Н. А., 1928 Г.Р., д. Писаная, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 129*). Отец мой не верил в нечисть, но сказывал, что видел как-то, как суседка пряжу из сундука плела. Он в нее валенком, а она под пол. А на следующее утро вся пряжа запутана была. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361, № 42*).

Сама-то я не видела, а сын ночевал у друга в крайнем доме. Он мне говорит, что у них суседиха есть. Ночью вышла, говорит, маленькая бабка, зажгла ночничок и начала прятать. Попряла, попряла, и ушла в голбец. (*Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 13*).

Суседко нередко показывается. Видела я во сне суседко. Мужичок с метр будет, сапоги и не кирзовые и не лаковые какие-то, борода хорошая. Спрашиваю: «Сколько тебе годов?», - а он: «Да чуть постарше тебя». (*Зап. от Усаниной А. Т., 1918 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 194*). «Да сусидиха есть, есть, ночью приходит. Или прядет, или муку сеет. Когда придет, значит, не к добру». (*Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., д. Губдор, архив ПГУ, тет. 359б, № 5*).

А вот один раз суседка меня горой давил. Ночью слышала, вздохнул два раза - фу-фу. А перед войной у меня родилась девочка. Тут скоро и хозяйина на войне убило, и дочка померла. Вот и вышло, что суседка меня давил не к добру. Фу-фу. К худу, значит. (Усть-Говоруха).

Суседка не каждого любит. У каждого в доме есть суседушко или суседиха. Когда переезжали, старики-то нас научили, велют открыть голбец и сказать: «Сусед и суседиха, идите с нами жить». Если не вызовешь, он будет обижаться, и плохо будем жить. Во сне когда

приснится, он на человека похож. Если к добру снится, то он хорошее говорит, а если молчит – то к плохому. (*Зап. от Горшковой Н. И., 1905 г. р., д. Усть – Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 98*). Когда переезжала, то на новом месте во сне пришел соседко. Постучался, такой черненький, маленький, и говорит: «Какая ты недогадливая, меня с собой не взяла. Я высмотрел, куда ты пошла, потом махнул да так в твоём доме оказался». Я вот не взяла соседко с собой, так ногу изломала. (*Зап. от Малаховой О. С., 1921 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 212*). У нас есть пословица, когда в новую избу переходишь: «Сусед- суседушка, пойдем на новую квартиру, будешь дом стеречь и хозяина беречь» (*Зап. от Усанина Ф. С., 1914 г. р., Красновишерск, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 144*).

Суседко маленький, не всем видится. К нему надо приласкаться шелковой красной лентой. Суседко много подкапывается - над скотом и собакой. А один раз суседко меня давил. Я спал, спал, а он на меня напал и давай пичкать меня. А если бы я не очухался, то конец бы мне был. (Говорливая).

Я, ить, парень, раньше гадать умела. А соседка меня напугала, я и перестала. Дело так было: дочь у меня за рекой работает. Вечер поздний - её нет. А я на ночь печь не перекрестила. Лежу на кровати в темноте, а мне кто-то мохнатенький торк карты в руки, да и затопал. Я бросилась к окну – шипко напугалась. Вот после этого и не гадала, перестала. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 12*).

Как у меня мужик-то помер, я и затосковала. Ночью в то время соседку и видела. В ночь после похорон лежу, плачу на кровати. Вдруг старушоночка из-за печки да возле кровати на колени и встала. Платочек у нее беленький. И я глаза закрыла, да до утра так и пролежала. (*Зап. от Суднициной Е. П., д. Морчаны, архив ПГУ 1986, тет. 361, № 13*).

Банные

Отец пошел в баню и подумал увидеть там лешего. Только вздумал, и увидел. Стоит такой высочуший, бородатый, в дверях. Отец побежал, оглянулся, а тот все еще стоит, выше бани всё. (*Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 19*).

Пошла я в баню в 12 часов ночи. Свет как раз тогда выключили, и баня уж холодная была. А я на полке лежу. Такой стал горячий по-

лок-то, везде как проволоки крест-накрест, каленые, на стенах-то. Это бесы были. Если бы свет не включили снова, меня бы задавили. Надо с молитвой ходить, с крестиком. И иголку, и булавку надо с собой. (В. Язьва).

В бане бабушка живет, Соломонида-бабушка. В баню заходите: «Банна бабушка, Соломонида-бабушка, пусти меня помыться-попариться». У нее разрешение нужно спросить, она тебя и хранить будет. А то вдруг кто на тебя нападет, блазнить будет, пусть она и хранит. Она этим заведует, баней. (В. Язьва).

О лешем

В лесу заблудишься – это от лешего. Со мной было. Я переложила стельки в сапоге с пяток на носок и только так вышла. От лешего спасут молитвы: «Господе Иисусе Христе» и «Прости Богородице». Молитва «Николе» хорошо помогает, везде, особенно когда заблудишься. (Н. Язьва).

Лешачиха ходит в белом платье, летом видели на могильнике. Большая, белая, юбка на ей длинная. Она возьмет да в лес утащит. Надо бояться её. С нами жила женщина, робят много нарожала. Они ревут, шумят, а ей надо рано на работу, из дома. А дети всю ночь скачут. Она одному и говорит: «Леший бы тебя убил ночью». Смотрит: у лавки такой здоровый дядя стоит и просит ребенка. Как человек длинный, черный, говорят, живет в лесу, в яме травянистой. Может человека сделать бесом. (*Зап. от Собяниной А. Н., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 6*).

Плутали в лесу, бывало. Парень заблудился, Витька. Его три дня не было. Он поехал, а тетка ему и говорит: «Иди ты к лешему, Витька». Это потому что лошади его топтались у ей под окном. Он пошел, да не в ту сторону. Искали, искали, даже в трубу смотрели. Тетка-то его плачет. Ей говорят: «Ты бутылку водки и красный платок на елку повесь, он возьмет и приведет Витьку к тебе». Она возьми и купи. Купила красный материал, кушак сделала, повесила. Три дня искали. Нашли его, а он от них убежал. Одичал вовсе. «Как ты жил?» - спрашивают. – «Я под сосной спал, ничего не ел». Потом пошли – ни водки, ни кушака. Видно, кто-то это всё знал. Видно надо ему красное, любит он. (*Зап. от Ильиных Н. А., 1928 г. р., д. Писаная, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 126*).

Ещё до колхозов, когда была совсем молодая, были у нас дома две лошади. Пошла утром загонять лошадей из ночного. Только вышла из Губдора, за мной едет мужик на лошади и маленькой тарантайке. Говорит мне: «Девушка, садись». Я села, он меня довез до поворота, взошла на гору, а под горой вижу город. Спрашиваю подходящего ко мне дядю: «Что за город?» А он говорит: «Киев». Я говорю: «Что же мне делать, у меня денег нет, я по лошадей пошла». Мужик меня отправил в земскую управу, мне выписали десять рублей. Пошла на станцию, а там тот же мужик. Говорит мне: «Садись, держись за меня. Как увидишь *кляпую* берёзу, так цепляйся за неё». Я села, он как помчался, я берёзу-то увидела, а вцепиться не успела. Он говорит: «Держись, а то далеко прокачу». Я за вторую-то берёзу зацепилась, встала и заревела. А тут меня кто-то потащил, и очутилась я в своём доме, зацепилась за полати. Нечистая сила меня тащила, леший был. Вот это, девочки, правда со мной было. (Зап. от *Вакориной Т. С.*, 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 7).

Отец мой охотник был и сказывал он, что как-то на зимовке он пришел в свою охотничью избушку и лег спать. И слышит, что заходят к нему три здоровых бабы и спорят: разбудить или нет. Спорили, спорили, так и не разбудили – ушли. Судили – оставить его жить или нет. А он-то не спал, всё слышал. Испугался, забрал вещи и уехал домой в деревню. Вот так дело было. (Зап. от *Нечкиной В. Ф.*, 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 47).

Девкой еще была, спали мы как-то ночью. Слышу, мама говорит: «Исусе Христе». А это леший на окошке сидит и с братом маленьким разговаривает. Мама – брата охватила, и на полати. Сноха Анна спросила у Ванюшки: «Ты, Ванюшка, кого-то во сне видел?» А он говорит: «Тятю нового. Я сплю, а он подошел к окну и говорит: «Я твой тятя новый. Пойдем со мной на реку, буду тебя кормить белым хлебом». Ваня сел на окошко, а отец уже у другого дома. Леший это был. (Зап. от *Вакориной Т. С.*, 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 21).

Раз мужик едет на санях, возле него баран бегаёт. Ну, мужик его на сани посадил: «Бара, бара», - говорит баран. А потом как оскалил зубы! Мужик его и скинул. Тогда баран человеческим голосом говорит: «Если бы ты меня не скинул, я бы тебя съел». Это леший был. (Зап. от

¹ Кляпый - наклоненный

Усаниной А. Т., 1918 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 20А).

Робила тогда еще на телятнике. Зажгу ночью огонек и на печке сплю. И вижу во сне, а может, и наяву было. Ничё понять не могу, будто бы двери отперлись и будто кто-то на печку ко мне лезет. Ничего, дед мой, думаю. А сама и говорю, а ну-ка, дай-ка пошупаю у тебя ноги. Хотела посмотреть, не копыта ли, а он как спрыгнет, и бежать в дверь-ту. Леший ведь был. (Зап. от *Вакориной Т. С.*, 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 26).

А еще про леших расскажу. К двум девкам ходили два парня. Вот пришли, сидят за столом, чай пьют. А матери и отца дома не было. Одна девка ложку уронила, и почудилось ей, будто у одного вместо ног-то копыта. Она хозяйской девке ничего не сказала и ушла. А леший-то задавил хозяйскую-ту девку. (Зап. от *Поповой Т. И.*, 1925 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 19).

Маленькая я была, отец мне рассказывал. Рано утром выхожу скотину управить, смотрю, а на пне, с домом который рядом растёт, красные ладони, да такие здоровые, что величиной по локоть. Нечистый пень-то был, потом его убрали. (Зап. от *Нечкиной В. Ф.*, 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 14).

Про русалок

Русалки показываются. Прожить надо так, чтобы русалки не показывались. Если покажется, то в жизни чё-то плохое будет. Перед хорошим русалка не покажется. Вот одной женщине показалась, дак она всю жизнь плохо прожила. (В. Язьва).

Русалки водятся в речке, в ямах. Я махонькая была, ехали мы на лошади. Я увидела русалку в яме – лохматая баба сидит, потом в воду спряталась. (Зап. от *Паршаковой А. С.*, 1917 г. р., п. Вишерогорск, архив ПГУ 1986, тет. 361, № 3).

Пошел отец мой на мельницу зерно молотить. Всё настроил, оставил мельницу работать и ушел по делам. Приходит, а мельница стоит. Смотрит, а на плотине сидит здоровая баба, сидит и волосы чешет. Испугался он, перематерился (в бога-то он не верил) и убежал. Пошел туда опосля, а мельница работает как ни в чем не бывало. Вот так-то вроде и ничего, только не к добру это. На третий день он ногу-то и сломал. (Зап. от *Нечкиной В. Ф.*, 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 48).

Отец мне сказывал. Шел он как-то на мельницу. Смотрит, а ему дорогу здоровущий дед перегородил (черт, значит, а кто же еще). А он у меня ни в бога, ни в черта не веровал, и пошел он прямо на него, да как даст ему, а попал по дереву. Даже ветки сломил. Это поблазило. А не к добру это было. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 49*).

Когда вода льется, а колесо не крутится, то это черти там орудут. Черт, он лохматый. (*Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 99*).

Парень тут у нас был, рассказывал. Вот иду, говорил, с охоты, смотрю – белая-белая кошка. Сидит на пне. Я, говорит, думаю, откуда она взялась из деревни. Посмотрел, посмотрел и ушел. Собачка с собой была Данко, злая, я, говорит, ей показываю: «Данко! Данко!» А она не видит, а я, говорит, вижу. Потом она тихонько в лог спустилась, больше её не стало. А опять одна женщина видела, что корова вышла из лога – черная и белая, рога золотые у ней, тихонько идет, слушает, потом тихо-тихо ушла. (Нижняя Язьва).

Тут место есть – Куминые воды, две кумы там утонули. Сидит там женщина на воде прямо. Наклоняется к реке прямо и говорит: «Реки наши, озера наши, болота наши, леса наши». А парню в лодке стало ехать надо, он рядом плыл. И куда-то уплыл – и все, и ведь был холостым. Такая девка, наклонится, скажет: «Ух!». (Романиха).

О покойниках

У нас тут было случай, это уже было на факт, а вот её мужик помер у старухи, это как раз было в войну, в сороковые годы. Ну, её мужика забрали в армию, ну, она стала тосковать об этом мужике. Тоскует, тоскует, тоскует, ну сколько можно тосковать. Он ей раз пришел, вроде как мужик. Два раза, три раза он к ей приходит, он ей все половину казался, ноги не кажет, лицо только. Стал спать с ей, а потом суседи стали замечать. Тут одна бабка грамотная говорит: «Пойдем ко мне спать, пойдем ко мне спать. Ой, да у тебя мужик ушел на войну, кто к тебе ходит?» Стала она её лечить. У вас в городе тоже лекарьки есть. Стала она её лечить. В старинну скатерь обернула, и на печку. Он пришел, все унес. Крышу снял. Вот он черт и унес. Унес все двери, все сшибал. (*Зап. от Горшковой Н. П., 1931 г. р., д. Акчим, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 92*).

У одной женщины был брат. И вот его убили. Она приходит ко мне и говорит: «Я с нечистым говорила». Я, говорит, иду с покоса, поздно запоздала. Идет, говорит, мужик, с корзиночкой плетеной, в лес. Я обратила внимание, у него, говорит, рот-то откуда-то снизу. Он говорит: «Ты че, тетенька, запоздала?» Я ему говорю: «Да вот запоздала, одна сенокосилась, покуда сено сгребла, да смешала, да сбородишь стала, вот и запоздалась. А ты куда пошел такой?» – «Я пошел в лес за грибами». – «Какие тебе грибы сейчас?» – «Отколь, – говорит, – твое дело спрашивать». Потом только, говорит, с ним поговорила, ветер эдак поднялся, с обеих сторон дороги, на дорогу берез вершинами так и закрывает мне путь. Я, говорит, не знаю, чё делать. Давай молитвы читать, какие знала, какие не знала, побежала – платок в руку и до полей добежала. И говорит: «Хочешь верь, хочешь не верь. Я умру нынче». Так и было – она умерла скоро. (Н. Язьва).

Огненный змей

Если кто-то в семье умрет, тосковать нельзя. Иначе змей огненный оборотится умершим, да и повадится ходить. Все соки выпьет. Особо он вдов мучает. Мужем оборотится и летает по ночам, а они и рады. Прогнать можно его маком. Посыпать мак вокруг дома и в кровать, он и перестанет летать. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 21*).

О колдунах

Рассказы о колдунах в крае чрезвычайно разнообразны – о злодеяниях, о получении колдовского знания, о смерти колдуна. В основном говорится, что раньше их было больше, а сейчас пока меньше. «Счас их не стало, начальник взял колдунов на испытание. Всех сожгли, пережгли всех. А колдуны, они ведь как? Одни камнями воюют, другие – лесом, одни – воздушным фронтом владают, другие озерным». (*Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 109*). В *ускотье* (конюшне) колдуны под угол прятали скотскую кость, уголь, печнину, чтобы скотина не велась. (Н. Язьва). Могли наслать болезнь (порчу), сглазить ребенка, испортить дом, животных.

Распознать колдуна можно по взгляду – колдуны не могут смотреть людям прямо в глаза, смотрят в сторону.

Существует большой набор охранных средств от колдуна, оберегов.

Веник ставили в угол вверх ветками, чтоб колдун не смог зайти в дом (Н. Язьва). Вот у нас ещё говорят, что колечко из сilyя любому колдуну положь в карман, и он не уйдет от тебя, не сможет, привяжешь его. (Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 14а). Если боишься колдуна, повяжись ниточкой, пропитанной смолой, прямо по телу голому. (В. Язьва).

Колдуна никак не распознаешь. Иду, тороплюсь домой. Женщина, Клава звалась она, о ней говорили - колдунья. Она мне и говорит: «Ты иголку носи кверху жалом, тебя никто не испортит». По груди-то шарит: «Носи иголку кверху жалом». А ведь сама колдунья». (Зап. от Семерикова, 1907 г. р., д. Аралово, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 63).

Колдун шел по дороге, а Толя ему иголку на дорогу воткнул - он вернулся. (Зап. от Семерикова, 1907 г. р., д. Аралово, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 64).

В одной деревне колдун был. К одной вдове повадился, сказать не могу, сколько ухаживал за ней. А она стала людям рассказывать, что де повадился ко мне колдун. А они советуют: «Положи свое венчально платье в изголовье». Она это сделала. Вот он пришел к ей, да только подошел, не может подойти-то, да и крышей вылетел. (Зап. от Усаниной Е.Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 103).

Говорят, чтобы выгнать колдуна из своего дома, надо подпалить тенёты в подполье. Сидел у нас как-то Иван Васильевич, я-то ещё молодуха была, побежала в подполье и подожгла тенето, а мать-то дома была. Так он схватил шапку и бежать из дома. А мать-то ему: «Иван Васильевич, ты чё побежал-то? А он ей и говорит: «Нехорошо твоя Тамара делает». (Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., д. Губдор, архив ПГУ, тет. 359б № 1).

Одного мужика делили две женщины. Одна и пошла к колдуну, чтобы тот порчу посадил. Мужик заболел. Жена пришла к колдуну и попросила снять порчу. Колдун и говорит: «Поздно. Я наговорил на камень и бросил в воду. Где найдешь его теперь?» (В. Язьва). Когда килу садят, колдуны на камень наговаривают и в воду бросают, если найдешь этот камень, то килу снимешь. Камень со сквозной дыркой, он сильнее заговоренного камня, его брали килу лечить. (Талавол).

Был в гостях у меня знакомый. Посидели, песни попели, я уж и со стола убрала, старушки-то у меня уж домой пошли, а он все сидит. Часа два просидел. Потом одна старушка подходит к нему и говорит: «Санко, пойдем домой-то». Потрогала его за плечо. Он встал и говорит: «Тысячу тебе раз спасибо, Антоновна». Вот и говорят, чтобы от колдовства избавить человека, нужно его потрогать или дернуть за рукав, а то бы так и остался сидеть. (Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 14).

Если колдун тебя тронул, чтобы передать тебе свое ремесло, нужно его ударить, чтобы на тебя не перешла нечистая сила. (В. Язьва).

Когда заблудишься в лесу, надо взять в рот травинку и сказать: «Господе Иисусе Христе», тогда тебя леший не собьет с пути, ни колдун дорогу не отведет. (В. Язьва).

Оберег от колдуна – фиги, кукиш, лучше в обеих руках.

Иголки воткнут в три угла дверного проема: две в верхние углы и одну в левый нижний угол двери, из избы, колдуну плохо будет, и из избы он выйти не сможет. (Палёво).

Смерть колдуна

Степах умерла давно, больно мучалась. Говорят, черти ломали ее. А чтоб ей легче помереть было, трубу открывали. Говорят, еретница была. (Зап. от Горшковой Н. С., 1906 г. р., д. Усть-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 142).

Жила в войну старушка с Ленинграда, была в школе техничкой. Она зналась с лешим, разговаривала с ним в трубу. Пришла к ней девушка Дуня. Старушка-то ей говорит: «Хочешь братьев увидеть, живы или нет они на фронте?» Пошли они на кладбище. Старуха говорит: «Засвистят, ты не бойся». Когда засвистели, девка испугалась. А Дуня увидела ночью мужика. (Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., с. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330 № 19).

Передача колдовства

В бане собака, рот большой такой, как жар пышет. Если ты хочешь перевести на себя колдовство, забрать знания, ты должен в хайло собаке лезть. Тут опять в бане кошку заставят грызть, по косточке. Переложить все косточки, тогда и передадут. (В. Язьва). Еще рассказывают, идет человек перенимать в баню, а там, где каменка была, лягу-

ша большушша, нет, жаба сидит, рот отворен. Надо туда прыгать, и все, будешь все знать. (В. Язьва). Когда передают колдовство, в темном месте жгут кости скотские. Огонь тут открывается, через этот огонь кто принимает колдовство должен перейти. (Н. Бычино).

Порча

Жила одна колдунья, она приютила одного мальчика. Сварила как-то раз пиво, стала обносить всех. А девочка к мальчику пересела. И ей чертенок попал, засел в горле. Она хыркала – хыркала, не выходит, доставать его стали. А он кругом зацепился. Везде лапы–лапы. Кое-как достали. Когда они зажгли лучину, они этого жучка положили на уголь. Он горел дак пишал как мог, всякими голосами. Мы у нее были, у колдуньи. Видели этих жучков неприбранных. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 92*).

Один мужик долго мучился от этих чертиков, болел. Сколь раз операции-то делали. А чертик говорит: «Хотели меня изрезать, да меня не изрезать. Я под седьмым ребром». Человека мучит он, начинает разговор вести сам. Многие люди от этого поумирали. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 93*).

А дак вот, икотка – та же порча. У нас была одна с икоткой, всё икала ходила. А ещё вместо икотки колдун вселяет в человека чертенка. Была у нас и такая. Когда в ней чертенок говорил, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом. Одни как-то с ней разговаривали, она говорит: «У вас на чердаке шубы висят, ночью сегодня к вам воры залезут». И правда, ночью шубу-то у них украли. То чертенок в ней говорил, и он знал. (*Зап. от Поповой Т. И., 1925 г. р., д. Губдор, архив ПГУ, тет. 3596 № 6*).

Колдунья жила в Говорливом, дом у нее над рекой был. Мы к ней пришли. Она куда-то пошла и сказала: «Не лазьте в подвал». Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька и они там, чертики, прямо кипели в ней. Они, говорят, тоже плодятся. Они маленькие, в половину меньше мураша. И ноги у их всё кругом-кругом. (*Зап. от Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 95*).

Вещица

Сорока летела, сорока – вещица. Это женщина превратилась в вещицу–сороку. Она намажется лекарствами и вылетит в трубу. Мо-

жет у женщины ребенка из живота вытащить, а туда положить щеть. Эта сорока улетит в трубу, а солдат к ней пришел и думает: «Дай-ко помажусь тоже». И обратился тоже в птицу и полетел. И прилетел на сорочий базар. Она говорит: «А зачем намазался?». А он ей: «Да вот намазался». А потом-то он человеком обернулся. (*Зап. от Усанной Е. Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 108*).

Хозяйственные и бытовые обряды, бытовые приметы и запреты

Обряды с домом

На горелое место дом не надо ставить, снова может сгореть. (Н. Бычино).

Перед домом нельзя высаживать лиственницу или кедр. Черёмуху и тополь также не высаживают под окнами («горе приносят»). Если у черемухи корни пойдут под дом, то хозяину в доме не живать.

Можно узнать, что дом на плохом месте стоит - вьюшки в трубке если шумят, значит, в доме есть нечистая сила, дом не на месте. (Н. Язьва).

Когда дом подымают, смотрели во все глаза, чтобы никто никакую порчу под угол не подложил. Деньги клали под передний угол, чтоб богаче жилось, шерсть клали, тоже для богатства.

«Когда печку бьют, обязательно вечером гуляют, пиво, брагу пьют. *Петуха* ставили, когда печку били. Под собьют когда, делают *костер* из плах, ставят внутрь пирог с водкой – это петух, потом бьют вокруг, сбивают печку. Всю печку пробьют, потом пирог достают *наставники*, печники-то, потом пирог едят, пьют вино. Делали которые печку затопят, перо-то там кругами заходит, и дым весь в избу пойдет. Надо откупаться. Или тоже яичко пустое с дыркой приклеят, как печка затопится, такой свист станет на голоса.

Стены выведут, матицу поставят, надо *избу кружить*. Избу кружил кто-нибудь один из строителей, кто посмелее. На матице на ремне висит пирог и водка с литру. Так и подымают, только чтоб не разбить. Разобьют, дак плохо поживется в доме. Вот один идет кружат избу – от середки матицы должен пройти по всему сруб. Дойдет до пирога, ремень развяжет, это уж его будет ремень, покупали всегда нарочно новый ремень. А снизу примают пирог и вино-то. Потом са-

дятся в передний угол строители-то, пируют. (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., В. Язьва). Клали шерсть под матицу, когда её устанавливали – «чтобы в доме было тепло». (Н. Язьва).

От грозы и града

Под пихтой, елкой нельзя и не под осиной, надо сидеть в поле. Елки да пихты задавят тебя. Молния не любит осину. Если град пойдет, в окно бросают, ножик острием кверху. В грозу нас бабушка в угол посадит, всех детей, пологом закроет, мы как цыплята под полатами сидим. (Зап. от Гилевой Г. И., 1932 г.р., д. Палёво). Садилась в грозу под икону, все резиновые сапоги выставляли в окошко. (Н. Бычино). Детей ставили в угол в грозу и закрывали пологом (обычно это делала старая женщина, бабушка). Если человека ударит молнией, надо отхаживать - не надо его в воду, а надо в землю закопать.

Обряды с домашним скотом и хозяйством

Покупая корову, выдергивали у нее со спины шерсть, чтобы она не тосковала по старому дому. (Н. Язьва). Когда при покупке вели корову на новое место, по пути, чтобы она не бегала к старым хозяевам, делали из лучинок крестики и клали их в коровий след на каждом повороте (обязательно не менее 12 крестиков). (В. Язьва). Корову можно было продавать только в селение, которое располагалось ниже по течению реки, иначе вестись не будет скот (Н. Язьва). Когда купленную корову заводили во двор, брали землю с переднего следа и бросали за корову, на улицу, а землю с заднего следка бросали во двор – «чтоб ко двору пришлась». (Н. Язьва).

Корова потерялась – надо в 12 часов ночи её кричать на перекрестке. Если корова потерялась, печку затопишь, с первым дымком в чело кричи ее, или выйдешь на улицу и кричи её по направлению дыма. (Н. Бычино).

Чтобы телята из стада не разбегались, из следа первым вставшего после отдыха теленка брали комок земли правой рукой и бросали через правое плечо. (В. Язьва). Молоко от отелившейся коровы не пили, пока корова оставалась «неосвященной». Брали крещенскую святую воду и в подойнице обносили вокруг вымени коровы, этой же водой сбрызгивали теленка, давали её попить корове и теленку. (В. Бычино).

Когда телится скот, из дома в этот день ничего нельзя отдавать. (В. Язьва).

Куриц-наседок садили на яйца, когда коровы шли «с воли». (В. Язьва).

Во время посадки капусты «голой задницей» надо садиться на грядку («летом курицы гряды не будут разрывать» - Талавол).

Молоко «теряется» у коровы – это её «выдаивает» летучая мышь. Чтобы она не высасывала из коровы молоко, подвешивали посреди крестьянского двора мертвую сороку. (В. Язьва). Верят, что выдаивает корову ласка, она же «выстригает» у коней и овец шерсть, так, что остаются плешки. Чтобы её отпугнуть, также вывешивали во дворе на шесте убитую сороку. (Н. Язьва).

Для дома лес готовят в старый месяц. Дрова «в костер» (в поленицу) лучше класть на старый месяц, и колоть тоже лучше на старый месяц - быстрее просохнут. (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., В. Язьва).

Урошной (или *длинной*) травой (растёт около ёлочек) лечат скотину («от слеза»): жгут траву и дают понюхать скотине. (В. Язьва).

Промысловое

Стружками с порога ружья прикуривали, если ружье плохо *било*. (Н. Бычино). Нельзя перед охотой дуть в ствол ружья - удачи не будет. (Н. Язьва). Нельзя отдавать из дома соль, если хозяин собирается на охоту. (Н. Бычино).

Первую пойманную рыбку следует, покусав за хвост, отпустить обратно в воду - приведет всю рыбу. (В. Бычино).

Зайца не ели у староверов. «Зайца грешно по нашей вере есть. Заяц это лешева собака, у его и лапы собачьи». (В. Язьва). «В Библии написано, что зайца нельзя есть, записано, он когтистый, а которые говорят, он Иисуса Христа спас. Когда за Иисусом гонялись, он превратился в ребенка. Зайца спросили: «Где Иисус?». Заяц де ответил: «Сосчитайте, у меня на самом кончике ушка черные волосики есть. Когда эти волосики сосчитаете, я вам скажу, где Иисус». Они начали считать, а заяц нет-нет, да и тряхнет головой, они сосчитать-то и не могут». (В. Язьва).

Охотничья быличка

Мужик-охотник пришел домой к себе в избушку. И тут поднялась пурга сильная, деревья даже закружились. Тут собака у дверей снаружи завыла, испугалась, ну, мужик тоже. А это леший, который выше деревьев-то. Кричит: «Пусти в дом». А мужик в это время ружжо заряжал. Он дверь-то открыл, а там – жена. Мужик-то не растерялся, все равно дуло туда сунул. Леший как соскочит, и на весь крик пошел: «Мокритку¹ сожег, мокритку сожег». А чё такое мокритка, не знаю. (Паршаково).

Заговор благословлять в дальнюю дорогу, на рыбалку, охоту

Господи, благослови, господи, прикрой, господи, рабов божих, детей (имена перечислить), прикрой, господи, нейтральной ризою с головы до ног, с востока до запада. Спаси и сохрани от злых людей, от злых, лихих супостатов, от нечистой силы: Хрест на мне, хрест во мне, хрест в правой руке, хрест в левой руке, хрест небесный в высоте. Закрой их, Господи, на 33 ключа, на 33 замка степи небесной. Богов свят дух аминь, богов свят дух аминь, богов свят дух аминь. (При этих словах нужно благословить уходящего хлебом-солью, перекрестить. После этого уходящий откусит кусочек, берет хлеб с собой и везет до места. «Этот хлеб с собой - дак Иисус Христос с вами едет»). (Зап. от Полежаевой Л. Л., 1926 г. р., Цепел).

Бытовые приметы и запреты

Крестили кружку снизу безымянным пальцем, если пили в чужом доме («от порчи»). (Н. Язьва).

Наотмашь наливать что-либо нельзя, старые люди даже пить не станут.

Нельзя в воскресенье стричь ногти - пальцы будут болеть. (Н. Язьва).

Если туча на солнышко лезет, значит, дождь будет. Если солнышко садится больно хорошо (без туч), погода будет хорошая.

Если дятел залетел в деревню, быть беде. (Н. Язьва).

¹ Мокритка – вероятно, от глагола *мокрить* – делать мокрым; фраза содержит, следовательно, намек на то, что охотник сделал невозможное (сюжет «сжечь мокрое» здесь аналогичен другим формулам отведения нечистой силы, в частности, уверениям типа «выхожу замуж за брата», с помощью которого «отводят» приходящего с кладбища мужа). – Прим. составителей.

Где марьин корень растёт, туда змеи не ходят. Змею встретишь – это плохая встреча. У меня Рома, мы пошли по клюкву, он убил змею. В этот же год погиб в Чечне. Змея проклятое животное, редкое.

Считали, что если весной первой увидишь ящерицу, а не лягушку, лето проживешь хорошо. (Губдор).

Если встретишь медведя, значит, в скором времени случится беда. (Н. Бычино.)

Если увидишь нарождающийся месяц, надо три раза перекреститься, чтобы все хорошо было. (Талавол).

Красну юбку носить нельзя женщине, проводившей мужа на фронт, «а то мужа на войне убьют». (Н. Язьва).

Перед войной филин рывкал, как баба ухал. (Федорцово).

Огненная метла казалась на небе – значит, большое переселение народов будет. Перед войной так было. Тут поселки раньше не были, перед войной стали. (Н. Язьва).

Сны

Если увидишь плохой сон, чтобы он не сбылся, после того как проснешься, нужно махнуть рукой справа налево. (Н. Язьва). Сон может не идти к человеку, если лежишь головой не к иконам. (В. Язьва). Спать ложисься, говори: «Ангелы - в окошках, апостолы - в углах, Иисус Христос - в дверях, Богородица - в головах». (Зап. от Бычиной Е. В., 1939 г. р., д. Палёво).

Народная медицина

К знахарю, чтобы вылечить болезнь, ходили «шесть восходов и шесть закатов». (Н. Язьва). Старались обращаться к знахарям, когда была «старая» луна: «на старую луну надо болезнь лечить, на молодую луну ничего не получится». Нужно на старую луну идти на гору собирать сок липы и пихты через речки, и у каждой речки прощения просить, говоря: «Матушка-речка, прости меня, иду по делам». То же говорят, подходя к каждой ёлке. (Цепел).

Бесплодие

Если у супругов после смерти первого ребенка больше нет детей, чтобы дети были, отец с матерью должны были прийти на клад-

бище и поцеловаться через могилу своего умершего ребенка. (Н. Язьва).

Боль в животе

Основанием пальцев или тыльной стороной ладони массируют живот в области пупа, а после на это место ставят веник комлем и поворачивают. (Цепёл).

Боль в суставах

Суставник — тягучая трава. Заваривают, пьют вместо чая от ног, когда суставы болят. (В.-Язьва).

Веснушки

От веснушек лицо мазали кобыльим молоком. (Палёво).

Волосы

Чтобы лучше росли волосы, замачивали рожь и затем отстоем мыли голову. (Палёво).

Геморрой

Заваривают весеннюю кору сосны, которая даёт сок, счерпывают шелуху, пьют. (Цепёл).

Голова

Голова болит — надо под берёзой постоять. (Н. Язьва). От головы хорошо рябиновые ягоды. Голову правят решетом. Решето больной держит зубами, который лечит, бьет по краям решета и смотрит, чтобы постепенно сместились, оказались друг против друга узелки, завязанные на лычке с боков, спереди и сзади вокруг головы. (Цепёл).

Грыжа

Грыжу *моют* в бане, в это время мать ребенка стоит на улице. Мать спрашивает того, кто моет: «Чего делаешь?» — «Грыжу мою». — «Так мой, чтобы её не было». (Цепёл).

Грыжу лечили медным пятакком. С пятака соскребали медь и высыпали её в молоко, после чего этим поили «ребенёнка». (Паршкова).

Детская бессонница

Если ребенок кричит, не спит, изнаночной стороной подола рубенка вытрут, и он спит. (Цепёл).

Золотуха

От золотухи лечили, опустишь золотое кольцо в воду, затем этой водой поишь больного. (Н. Язьва).

Зубная боль

Зубную боль лечат корнями репейника, приложишь — и боль перестанет. (Цепел).

Когда болели зубы, брали градину, таяли и талой водой полоскали зуб. (В. Язьва).

Зубы (заговор)

Я, раба божия Анна, иду по острову, ловлю шуку зубатую. Выйди болезнь прочь из белой-белой чистой крови, из косточек, из жилочек, суставчиков. Иди туда, где солнца нету, чтобы пропало, пропало. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. (С этими словами хлеб положить на зуб, а потом можно съесть, «он не поганой»). (Зап. от Полежаевой А. С., 1926 г. р., Цепел).

Корь

Как корь раньше выводили. Полы вымоют, чистоту наведут, тогда сами корюшку в дом приглашают: «Корюшка, приходи». А во время самой болезни не стирают, не моют ничего. (Н. Язьва).

Кочерга

Кочергу выводили молоком матери: мазали им и натрали. Изпод пива с белой мучкой меловая гуща тоже бывает. Этим спинку ребёночку помажут, тряпочку сверху положат, недолго попарят веничком, потом смоят. Так ладят раза три, пока вся не выйдет. (В. Язьва).

Кочергу, или *щетинки*, у ребенка вытирают овечьей летней шерстью. (Н. Язьва).

С пива берут мел, потом мукой, сахарочком пригущивают, и на печке стоит. Поднимется — идешь в баню, там ребенку марлечкой спину накрываешь. Вот этим раствором мажешь и паришь, и все проходит. (Н. Язьва).

Лишай

Нужно с окон собрать «пот» и, читая молитву, безымянным пальцем смазать им лишай. (Цепёл).

Выжимают сок борщевика и капают на лишай. (Цепёл).

Паралич

Есть парализованная трава, от паралича и от боли в суставах. Зеленые цветочки у её, маленькие. Завариваешь и пьешь. (Н. Язьва).

Перелой

Перелой — листочки-треугольнички, стебель тянется, вьётся; цветочки маленькие, розовенькие. Это мочегонное средство, помогает и скоту. (В. Язьва).

Потеря голоса

При потере голоса надо заваривать бобовные корни или ягодный цвет земляники и пить. (Ваньково).

Припадки

«Застреливали» порчу, а также «косину» (косоглазие) луком, стрелой. Для этого стреляли в больного из маленького лука, сделанного из лучинки. (Н. Язьва).

Порча

При припадках, чтобы успокоить больного, садились ему на лицо голым задом. (В. Язьва).

Псориаз

От псориаза помогает втирание из сока липы, который заготавливают весной, а также сок от трав (например, выжатый из борщевника).

Пьянка (алкоголизм)

Копытень — трава, которая выглядит, как у лошадей копыта, только в середине растёт долгой стебель. Ей лечат против пьянки: заваривают и пьют. (Цепёл).

Рак

При раке пьют от одной до десяти капель дёгтя (прибавляя, а затем убавляя по одной капле в течение двадцати дней) (Цепёл). Рак лечили, собрав в реке плоские раковые ракушки, их толкли и заваривали, затем поили больного. (Н. Язьва).

Раны

Старые раны заживляли дегтем, натирали жженой берестой.

Рахит

Болезненного ребенка «перекрещивали». Для этого утром, «до солнышка», вынимали из окна стекла и «продевали» его в окно на улицу, при этом просили, чтоб первый, кто его увидит, его перекрестил. (Н. Язьва).

Рёв (вопь)

От рева ребенка на голбешных лесенках лечили. Сядут вместе с ним на лесенки, какие-то слова говорят и косами стегают. (В. Язьва).

Вопь, это когда ребенок воет, косами в бане парили. Двое. Тот, кто на улице стоит, спрашивает: «Кого паришь»? — «Вопь парю». — «Парь её сильнее, чтобы не было ее». (Талавол).

Если ребенок ревет, то печку затопить. И как первый дым хлынет, кружку с водой в этот дым сунуть, и после напоить ребенка. (Палёво).

Родимец

Родимец переходит — это когда ребенок кричит, дак его скатеркой закрывали. Тревожить его нельзя — то смех, то рев на него найдет, то бежать куда надо. У меня смехом проходило. А дочь все ревела. Вот, скатеркой её закрыла, покачала — она и уснула. Одну у нас испугали, стали её трясти, пена из-за рта пошла, на всю жизнь осталась уродом. (В. Язьва).

Рожа

Делают кашу манную на парном молоке, берут красную тряпку. Затем наливают кашу, по солнцу, горячую, теплую еще, три раза. Также можно рожу лечить — на красную тряпку мелом ученическим

поставить сорок крестиков со словами, с молитвой, и покрыть больное место. (Зап. от Полежаевой А. С., 1926 г. р., д. Цепел).

Сглаз

От сглаза лечили - с трех углов стола, которые идут «по богу», скоблили ножиком стружку, её опускали в воду, затем этой водой мыли ребенка, говоря: «С гуся вода, с лебедя вода, с младенца-раба вся худоба». Оставшуюся воду выливали в нижний правый угол изнутри избы, между косяком и дверями, так, чтобы «зажать» воду. (В. Язьва).

Трава *глазки* – от сглазу. Лепесточки синие, через один желтый, заваривали как чай и пили от сглазу. (Н. Язьва).

Если сглаз, рано утром шли на реку, до солнышка, умываться. Набирали воду тыльной стороной руки, говорили: «Господи, благослови».

Сучье вымя

Когда по наговору под мышкой и в паху бывает сучье вымя, то делают из теста с золой, солью и мукой как мыш, прикладывают её к больному месту, «чертят» на животе пальцем круг и читают молитву. Прорвёт вымя, мыш выкидываешь. (Цепёл).

Чирьи

«Осье гнездо» - это когда много-много насыплет чирьей, в середине - большой чирей, по краям – мелкие, у них вершины всегда черные. Такой чирей называют осье гнездо, обязательно надо больному осье гнездо скормить, чтоб человек не знал, так, крадучи, с хлебушком. Лепешку потрешь, потрешь его руками, оно ведь высохнет. Сухое, в лепешку, вроде угощенья дашь, и все. (Цепёл).

«Мышиное гнездо» - это по всему могут насеять, но не кучей, там –там, и они, чирьи, белые. Мышиное надо лечить горохом мышевым. Мышиный горох есть мелкий. Завариваешь его, пьешь вместо чая со словами, и все проходит. (Зап. от Полежаевой А. С., 1926 г. р., д. Цепёл).

II. СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ

Привороты и отвороты. Родинный обряд

Тоскуя по парню, девушка топила печь, открыв вьюшку, она произносила имя своего парня. «Утром встанешь на заре и кличешь по имени, чтобы скучал по тебе». (Зап. от Кичигиной Т. А., 1917 г. р., с. Верх-Язьва).

Чтобы мужик вернулся от чужой бабы, дом по завалинке обсыпали маком. (Аралово). Чтобы муж не бил жену, та брала кровь из мизинца и подмешивала её в пищу мужу. Берут нитки из одежды умершего (с тем же именем, что имя мужа) и вшивают в швы, чтоб не бил. Котят, только родившихся, мыли в воде, затем этой водой поили мужа, если он был драчливым. Чтобы муж не бил, отрубали у снятой им с себя потной рубахи рукава. (Н. Язьва).

Щучья челюсть, подвешенная втайне к окну дома, способна развести мужа с женой. (Н. Бычино).

На праздник спать нельзя мужу с женой, дети будут уроды. (В. Язьва). Если женщина хотела забеременеть, но не могла, она старалась накормить из своего фартука стельную корову. (Н. Язьва).

Когда хозяйка беременна, если у хозяина расколется осиновая лодка-долбленка, то это предвещает рождение девочки. (Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 147).

Беременную нельзя оставлять одну. В бане особенно нельзя оставлять – бес стережет. Черт задавил одну, говорят. (Н. Бычино). Беременной не позволялось «на последнем сроке» ходить по гостям, участвовать в похоронах (беременным покойника трогать никак нельзя – ребенок несчастный будет. - Н. Бычино). Беременным на кашу ходить нельзя. (Н. Бычино).

Одежда с беременной считалась целебной. Эту одежду надевали на больного, чтобы он поправился. (Н. Язьва).

Только что родившей (*родильнице*) не давали из одного стакана пить с семейством, и кормили сначала отдельно, ей не разрешалось носить нательный крест. (В. Язьва). Считается, что шесть недель роженица ходит по краю могилы. (Н. Бычино).

Роженицу при трудных родах ко столу ставят и круг стола водят. (Н. Язьва). Во время родов берут яйцо от молодой курицы и держат его над роженицей, поливают его водой, чтобы брызги попадали

на рожающую – «чтобы легче родить». (Антипино). Роженицу вокруг стола ставили и водили вокруг стола (при трудных родах).

Зарывали пуповину родившегося в землю, «где солнце не светит». (Н. Язьва). Раньше родился ребенок – сразу крестить. Некрещеные дети – *бесятки* (*бесики*). (Антипино). Некрещеного ребенка может черт подменить. Пока ребенка не окрестишь, нельзя ребенка одного оставлять. Поругаешь или чё – может подменить. (В. Язьва).

Ребенку маленькому волосы не стригли, хотя бы до года. Девочкам вообще не стригут, пока до пояса не отрастут. Когда волосы остригут, их обязательно надо в огонь бросить. (В. Язьва).

Иконы заставляли мыть только детей – не грешны, дескать. Старых не брали. (Н. Бычино).

*Ягодник*¹ делали на кашу, когда шли к роженице. Идти на кашу могли только *свалебжане*, несли с собой, кроме подарков, ягодник, блины и рыбный пирог. (Н. Язьва).

Проводы в армию

Рекрут переступал порог, в это время кидали под ноги родители перчатку, он должен был переступить через нее. (Аралово). Прежде чем отправить парня в армию, его сначала в бане вымоют. Пока в бане моется, все собираются, крестные, тети, дяди. Делали ему мешок. В уголок мешка клали землю, в другой луковку. Делали старинный холщовый мешок, лямки веревочные. Благословляли все – встают, выходят из-за стола, мать стоит с братом, с сыновьями, иконой благословляет, целует. Читают «Отче наш», целуют икону, потом его. Икона Божья мать – крестом кладется на голову, на плечи, на грудь. Крестом делается. (В. Язьва).

Мама принесет землю, в угол щепотку земли принесет. А сейчас делают просто красный мешочек, в него земельку положат. С собой дают медную иконку в тряпице, Алексея божьего человека.

Отправляют из дома когда, перво он выйдет, потом велят снова зайти в дом. Призывник в печь смотрит, потом уж уходит. (В. Язьва).

Похоронный обряд

Представления о смерти, том свете и грехе

Тот свет и в земле, и на небе, может. Если грешный человек, то и душа в земле, а не грешный, то, говорят, душа на небесах. (Палёво). Умрет человек, потом его на весы посадят, если негрешный, иди направо, а грешный – налево, к бесам. Если человек негрешный, он будет с ангелами с трубами. Умершие на том свете кто не грешные – так как ангелы работают, ангелами.

Если человек при жизни любил танцевать, говорили раньше: «Плясать любишь, в аду на сковороде плясать будешь». (Антипина). Большой грех – кто руки на себя накидывает. За самоубийц не молятся, их не отпевают, подорожную им в гроб не кладут, поп не расписывается. У них, говорят, собачья смерть. Покойника этого бросали в могилу непереодетым, необутым, мужик один вот тут задавился, дак его вместе с петлей положили, не отпевали. (В. Язьва). У нас один *задушился*. Он когда пошел душиться – крест снял. С крестом-то не задушиться. Нечистая сила с крестом не возьмется за тебя. Они подталкивают. Если хочешь задушиться – можешь и ниточкой задушиться, это черт помогает. (В. Язьва).

Ад – это черная дыра, там все грешники кипят. (В. Язьва). В аду беси будут толкать в огонь и жечь. Две недели горишь в старый месяц, в новый месяц растешь. Бесы тебя наказывать будут на том свете. Будешь осину там таскать, бревна из осины. А березы недостойна будешь. Осина самое грешное дерево. Эти бревна потом в аду жгут, там в аду лесенка будет в яму высокая, кто самый грешный, тот внизу на лесенке, кто чуть-чуть грешный – повыше. (Антипина).

До трех дней душа по родным летает, до девяти – посещает и рай, и ад, до сорока – её уж на место поставят. Сначала душа сорок дён лежит в земле, потом тебя подынет бог на небо. Ты как птичка будешь, сама пролетишь, воробьем маленьким. Воробьем, не голубем. Голубь он большой, а душа маленькая.

Смерть, говорят, показывается. Маленькой я была. Сидим мы в избе: братья, сёстры, мать с отцом. И послала меня мать на *мост* (т.е. в сени) за маслом. А уже вечерело. Выхожу я, смотрю, отец мой стоит, а знаю ведь я, что он дома. Забежала в избу, сказала. Пока вышли – никого нет. Поблазнило, значит. А на третий день отец-то и умер. Не к добру это, если видишь живого человека в разных местах. (*Зап. от*

¹ Ягодник – пирог из белой муки, сверху покрытый ягодами.

Нечкиной В. Ф., 1908 г. р., д. Нечкино, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 46).

Муж мне мой, покойничек, сказывал перед смертью, что приходит к нему по ночам суседко и пишет, и пишет, все ему рецепты пишет. Болел он тогда. К несчастью это было, умер он потом. (Зап. от Антипиной Е. П., д. Ванькова, архив ПГУ 1986, тет. 361 № 50). Вите помирать, ястреб под окошком как пал. Он вышел – ничего нету. Ни следа нету. А сын-от и умер. (В. Язьва). Перед смертью моей мамы у меня две вошки появились – это к покойнику. Как умерла, и больше опять ничего. (Ванькова).

Если в доме умрет случайно чужой человек, скоро в этом доме «будет своя смерть», умрет кто-то из живущих. (Н. Язьва). Если добрый человек умер из родни, то в этой семье обязательно будет пополнение, или кто-то родится, или женится.

Снаряжение умершего

В кедровом гробу хорошо хоронить – умерший сразу в рай попадает. (Н. Язьва).

В гроб веник, комелек кладут, под голову. (Федорцево). В гроб и в подушку стружку клали от досок, гроб когда делают, остаются. На лоб покойнику клали *подорожник*, «чтоб поп расписался, без документов никуда не пускают». Лестовку на левую руку весили, поясок надевали, крестик на шею. Из веника березового подушку в гроб не всем можно. Кто в Троицу церкву кружат, в Петров, в Ильин, в Пасху кружат – тому можно веник крошить в гроб. А кружат – с иконами, с батюшкой, окружают всё, идут вокруг, останавливаются, батюшка молитвы почитает. (Зап. от Кичигиной Т. А., 1917 г. р., с. Верх-Язьва). Подушечка делалась из наволочки со стружкой. Также в подушечку клали берёзовые веточки. В гроб кладут бело полотно, потом покойника белым полотном закрывают или тюлем. Иконки в гроб класть не разрешалось. Когда прощаются, тогда иконку клали на грудь покойника, потом её убирали, не положено в могилу. Крестик у него должен быть. На лоб клали *подорожник*, венчик. Это, говорят, путевка туда, на небеса. После венчик отрезают, остальное с текстом в правую руку клали. В гроб клали тапочки, обязательно с «пятками», чтобы не падали, бегать-то там.

Раньше в саване хоронили. Стружки в подушку положат, набьют, длинную нитку сделают и подушку всё одной ниткой сделают.

Волосы вычесанные сжигали. У кержаков в саван обертывали покойника. Саван – просто материал белый. Или шьют его, или заворачивают, и так хоронят, не в одежде.

Когда снится покойник, чё-то ему надо. Где-то носовой платок, где чё отправляют. Вот одной приснилось, мол, умершего не в той обуви положили, так приснилось всё – и номер дома, и место, куда прийти, чтобы передали туфли. А там действительно покойник был, так с ним передали туфли, ему в гроб положили. Тамо жизнь-то тоже есть. (В. Язьва).

Клали в гроб умершему под правую руку хлеб, соль, клок шерсти – это «честь отдавали». (Н. Язьва). Бутылку белого вина (водки) клали в гроб умершему, если верили, что он был колдуном. (Н. Язьва). Посыпали умершего в гробу после отпевания «чистой» землей, её брали из голбца. (Н. Язьва).

Покойник в доме – ни форточки, ни двери не открывают, стараются, чтобы «воздух не поколебался нисколько». (В. Язьва).

Рассказывают, что раньше умирающего клали в красный угол и закрывали холщовой штормой. «Весь угол перегородят, там он лежит. А смерть приходит к нему, с чемоданчиком, в нём инструменты. Смерть ему отпиливает руки, ноги, чтоб не забрызгала кровь-та, шторма тут». (В. Язьва).

Три человека, трех покойников при живности обмыть если, грехи отмываются у тебя. Каждой суставчик моешь. На каждый суставчик надо говорить: «Святой Боже! Святой Боже!», обмоешь, крест кладешь. (Цепёл). Женщина мужчину не обмывает. Обмывают только пожилые. (В. Язьва). Три могилы надо выкопать и хоть троих обмывать надо – на том свете легче будет. (В. Язьва).

Так-то обычно вверх плетут волосы девкам и бабам (т.е. пряди укладываются вовнутрь), вниз плетьюми (наружу прядями) – это когда хоронят. Венчают – тоже вниз плетут. (Талавол).

Прощание

Через гроб дают курицу живую, кому-нибудь родственникам, или кто обмывал. Раньше все так делали, а сейчас мало кто курочек держит. Подавали через гроб на память об умершем нитки с иголками или платки, чтобы не скучать об умершем. (В. Язьва). Подают при прощании с покойником платки носовые и носки, все новое, что остается от покойника – кофты, юбки. На поминках прощаются: «Дай бог

тебе царство небесное, светлое место, душе спасение. Вечная память». По мужу плакать не надо, а по родителям, детям надо плакать, чтобы на каждого родителя слезинка упала – мол, ты жалеешь их. За родителями нужно плакать, нужно, чтоб на родителей нежная слезинка твоя упала. (В. Язьва).

Когда увозят покойника, кто-то должен остаться пол мыть, обязательно вдоль по половице. Руки нельзя заворачивать к себе, особенно мыть надо. Лавку после покойника мыли, мыли и пол от порога по солнышку к красному углу. (Н. Язьва).

Причеты кто знает, его зовут ко всем. Меня вот позовут, я приду, причитать-то начну, дак все равно как про своё и причитаю. Обязательно прошения просишь у умершего – «Уж ты, мол, прости меня, ушел ты на жизнь вечную, оставил меня одну-наодно». Поревешь, выревешься, дак легче.

Я по сыну по Жене ревела, дак как и только перенесла горе-то. Гроб занесли когда, привезли из городу-ту, я бросилась, меня не пускают, а я все равно прошусь посмотреть. Причитаю – посмотрю мол, какой ты есть. Ведь надежда моя был, не доложен ты бы в этом гробе лежать. Наговариваю – я мол все тебе наготовила, одежду, обутки. На что же на тебя такие ботинки надели, подошвы толстые, ой, долго тебе придется их изнашивать, ну ниче, ты молодой, носи. Увидела у его на бровях крапинки воды, с улицы ведь занесли, я и спрашиваю – обрадовался, что дома, вон сколь ты у меня не был, два года, вот и увиделись... (Зап. в п. Цепёл)

На первую встречу кладут в фарфоровую тарелочку яичко, яблоки, конфеты, печенюшечки, деньги с десяточку, больше не надо. Нонче которые и водку кладут, отдают, чтоб поминали, это грех. Когда покойника везут, человек идет впереди покойника с узелком и первому встречному отдает. В узелке хлеб, стряпня, платочек положены. Ветки кидают пихтовые после гроба, а где и перед гробом. (Н. Бычино). Ветки надо кидать не после гроба, а перед, Исус Христос умер, дак по веткам на небеси шел. (В. Язьва).

В могилу денежки кидаешь, выкупаешь землю, дар делаешь. Земля-матушка ведь живет, она как живая. На могиле садят елку или сосну, редко березку. Если тебе жить, дерево, оно приживется. Когда садишь, завещаешь: в жизнь – пускай живет. На кладбище кедр, березу в ноги садят. (Аралово).

В печку надо смотреть, когда покойника увозят: «Ты меня не знай, и я тебя не знаю. Аминь! Аминь! Аминь!», это чтоб *враг* не приходил. Умрет человек, начнет ходить, дак это уж не он же ходит, а то-ко враг. (Цепёл). Умывались на улице перед домом, приходя с кладбища, чтобы покойник не казался. (В. Язьва). Топили баню после похорон и шли в нее мыться, возвратясь с кладбища, все, кто будет ночевать в этом доме. (Н. Язьва). Чтобы покойник не ходил, всю *кормину* (дом) обсыпают маком, через мак покойник пройти не сможет. После покойника, как его поднимут с лавки, гроб-то, сразу ложатся на лавку, чтоб не бояться его. (Н. Бычино). Чтобы покойничек не ходил, если ходит, что делаешь: выйдешь на улицу, увидишь собаку и скажешь: «Ходит ко мне тот то; чтоб ко мне не ходил, пусть к тебе ходит». (В. Язьва). Чтобы покойник не ходил, под матрас клали вилки. (Н. Бычино). Если боялись, что покойник будет ходить, еще когда он был в гробу дома, с двух разных порогов скоблили дерево. Затем эти стружки зажигали и их дымом обкуривали («обмахивали») покойника, «чтобы не ходил». (Н. Бычино). Смотрели под гроб перед выносом покойника, чтобы не бояться его. (Губдор).

Брюки, полотенце и рубаху умершего вывешивали на гвоздь, вбитый в стену избы, где они оставались до сорока дней, после чего эти вещи дарили товарищам умершего. (В. Язьва).

Поминки

Первое блюдо на поминках – разрезанное на четвертинки яйцо, а второе – кутья, из риса, с ягодами, с медом. (Н. Бычино). Пекли пирога на поминки рыбный, с четырех углов зашипан. Начинили есть с середины – не ломали, а кусали, выкусывали. (Н. Бычино). На похороны *травник* делали – на девятый день, кладут в пиво ветки смородины с листом, настаивается. (В. Язьва).

Кутью варили из пшеницы, счас редко кто так варит, только в Антипиной может что, в верхах. Поминают когда, обязательно каждому подадут сусло, это *канун* считается, каждому поднесут, все помаленьку отопьют. Которые правда компот счас подают так-то. Поминали пельменями, только не мясными, уж без масла. Грибы обязательно на столе. (Цепёл). У староверов нельзя покойника мясным помянуть. Травник делали – разные травы – смородинник. Как на пиво сделают, но без хмелю, и туда травы. Это в первую очередь на стол подают. (Н. Бычино). Травником угощали: веточки смородины, кус-

тики смородиновые в сусло кладут на день, два. Оно закиснет, вот и травник. Это только на поминки, на свадьбах – нет. (В. Язьва).

Обязательно начинают поминать когда, всем подадут из одного стакана сусло, это *канун* называется. (В. Язьва). Вино за столом не пили. Если много пили на похоронах, считалось, покойника заливали водкой. (В. Язьва). Пить нельзя на похоронах – тяжело покойнику будет. Пышные обеды на поминках – это угождаешь народу, но не богу. (В. Язьва).

До сорока дней ставят стакан с водой и хлебушко, в утро после сорока дён он приходит последний раз. Душа до сорок второго дня у дома живет, потом уж обязательно услышишь, что ушла, какой-нибудь знак будет. Сорок дён кладут на стол ложку (кверху чтоб), ставят умершему на стол каждый день чай горячий и картошку горячую, чтоб пар был. Я вот ставила всё, когда сын у меня умер. Он мне и присниться – «че ты, мама, все картошка да картошка мне». Потом под конец приснился, говорит, мама, я уж на самой высокой крыше, мне только две ступеньки до верху осталось». (Цепёл). До сорока дней душа дома. У бога есть брат. Они братья – бог и черт. Они два человека, братья. Вот один за правоту идет, а другой – злой. И у них сорок дней все собирают, у кого добро, у кого зло на весах. И вот перетянет зло – в ад и попадешь. Черт и радуется тогда. (В. Язьва).

На девятый день я ходила на мамины поминки. Мне наказывали: иди, с вечера пол вымой. (Дубровка).

Поминают в Дмитриевскую субботу дома. На кладбище не ходят от Дмитриевской до Радольницы – «покойники спят, отдыхают, их не надо беспокоить». Самоубийц поминают только в Троицкую субботу. В это же время поминают убитых, всех, кто богу перед смертью не успел покаяться. «Три субботы будут поминальные, а потом не молятся за родителей: после Пасхи на две недели вторник – Радольница, там уж за упокой молятся. В Радольницу че-то ставят на стол, чтобы родители пришли. Утром встанут, к воротчикам, крючки-то откроешь. Еда на столе: в говинье картошка, кисель, рыбка мелконька, чай и всё. А когда не пост, тогда мясные пельмени, капустные пельмени с салом как поминальные идут. Поминают в умерший день тоже. Умерший день – день, когда умирал кто-то из родственников, каждый год этот день поминали этого человека. Те, кто накладывал на себя руки, того поминали в Троицкую, Покровскую, Дмитриевскую субботы – это

большие субботы. Эти три субботы – это как разрешено за них, за грешных, молиться». (В. Язьва).

Вишерская свадьба

Введение

Северная прикамская свадьба, удивительное явление в народной культуре, давно привлекла к себе внимание исследователей. Первым наиболее полным описанием её стала работа Я. Предтеченского «О свадебных обрядах г. Чердыни» (опубликована в кн.: Пермский сборник, вып. 1. М., 1859). В XX веке уникальный песенный материал по северной (чердынской и красновишерской) свадьбе собрал и описал И. В. Зырянов. В своей работе «Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья» (1975) он создает оригинальную реконструкцию свадебного обряда, дает многосторонний анализ корпуса свадебных песен с точки зрения обрядово-тематической, сюжетно-образной и вариативной. Неоднократно издававшаяся книга И. В. Зырянова «Чердынская свадьба. Старинные свадебные песни и причитания» остается образцом фольклористической работы, настоящим памятником прикамской народной поэзии; значительная часть материала в ней представлена вишерской свадебной поэзией.

Интереснейшие материалы по непосредственно вишерской традиции собраны и описаны учеными Пермского государственного университета (Г. Н. Чагин, описавший специфику обрядности коми-язьвенцев и указавший на целый ряд взаимодействий славянской и финно-угорской традиции) и Московского государственного университета. Описывая песенный фольклор Верхокамья, подробное описание старообрядческой свадьбы в крае дала С. Е. Никитина¹. Исследователем указано, что народная свадьба в Верхокамье представляла развернутый ритуал, оригинальные черты которого связаны во многом с отсутствием обычного для традиции церковного венчания (отсюда развернутый ритуал благословения в вишерской свадьбе). Во многом с воздействием старообрядческой традиции следует связывать и распространенный в крае обычай проведения свадьбы «убегом»,

¹ Никитина С.Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура, М., 1982.

также не предполагающей венчания и отражающей специфические староверческие воззрения на брак. Подробный рассказ об «убежной» свадьбе представлен и в настоящей реконструкции (в конце раздела, после описания обряда в целом).

Анализируя этномызыкальные аспекты песенной традиции Верхокамья, выводы о её архаическом характере делает М. Б. Чернышева¹. Исследовательница говорит о совмещенности в северной свадьбе трагического, лирического и комического аспектов, о характерном для края обилии причетов, специфическом экстерьере свадебного поезда, оригинальности этапов свадебного обряда в целом, об особенностях свадебной терминологии.

В настоящей реконструкции вишерской свадьбы, которая создавалась по записям этнолингвистов Пермского государственного педагогического университета самого последнего времени, в основном в Язьвинском поречье (экспедиции 1998, 2000, 2002 годов), сделана попытка целостного воссоздания основных этапов вишерской свадьбы, описания многообразия её обрядовых форм в разных населенных пунктах.

Сватанье

«Раньше-то люди всякие были: богатые, бедные, по достатку и свадьбу играли. Кто победней был, лошадь по деревне пустит и смотрит: в чей хлев ли, ворота ли она мордой ткнется. Туда и сватать за хаживал». (Зап. от Мещеровой А. Т. 1932 г.р., д. Орефина). Также ходили сватать и родственники девушки, только по деревне теперь они отпускали не лошадь, а жеребца – «ведь сватать-то парни ходили, вот коня-то и запускали, как ровно что выведет». (Паршакова). «А кто с капиталом был, сватали по роду, узнавали воровской, ленивый ли был. Так и велось: скотину по ребрам, а невесту по родам выбирали». (Зап. от Паршаковой У. А., 1909 г.р., Паршакова).

Задумав женить сына, родители выискивали для него достойную кандидатуру среди девушек, выбирали сватов и засылали их в дом будущей невесты. Начиналась долгая процедура сватовства. «Иные на два-три раза сосватают, другие неделю ходят. Первый-то раз отец с матерью сватать отправляются, без жениха. В дом зайдут,

обязательно шапки снимут, стоят перед матицей и говорят: мы, мол, просвататься пришли, а потом уж в третий-то раз придут с женихом, мол, мы с добрым словом, со сватовством. (Зап. от Паршакова Е. М., 1910 г.р., д. Талавол).

Процедура сватовства в крупных селах, расположенных по берегам р. Язьвы, была более продолжительной по времени, существенно отличалась количеством участников и ритуальными процедурами, которые обязательно должны были выполнять сватовщики. В с. Н. Язьва в дом будущей невесты ходили сватать до семи раз. К родителям девушки приходило до семи сватов: свекр, свекровка, будущий жених, золовка и её муж. «Шесть сватовщиков приходили за невестой» в с. В. Язьва. (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р.). Вместе с главной свахой и её помощниками «сватать невесту приходила и знатливая бабушка». (Зап. от Гилёвой Г. И., 1932 г.р., д. Палёво). Зайдя в дом, сваты, не раздеваясь, сразу переходили за матицу, ко столу, который тут же разворачивали вдоль по половицам, и на каждый его угол выставляли по бутылке вина или водки. (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р. В. Язьва). Считалось «дело сделанным, если сватовщики сразу переходили за матицу». Добрым знаком для жениха также являлось и нахождение невесты около стола, за матицей, в момент появления на пороге дома родственников будущего супруга. Стремясь обеспечить удачный исход сватовства, спутники жениха приезжали в дом невесты в одиннадцать часов ночи и «начинали разговорами торопить невесту с ответами». Хорошему сватанью помогали знаткие, которые «всякими захматами» лишали невесту возможности перечить приехавшим гостям. «Вот жених сядет возле невесты, около стола, шапка у него на голове, вдруг окажется шапка в углу, около лоханки, под порогом, да еще под голиком берёзовым. Один из сватов-то возьмёт ещё, да с умывальника на веник с руки начнет брызгать. На факте всё было». (Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г.р., В. Язьва). Около стола, за потолочным брусом будущая свекровка издалека начинала свашить: «Пришли мы за добрым делом, за сватовством, у нас петушок, у вас – курочка. Надо их сместить». (В. Язьва). Во время переговоров мать парня или знатливая бабушка незаметно для других дергала невесту за косу, «чтобы слово против не говорила, сватовству не мешала». (Зап. от Гилёвой Г. И., 1932 г.р., д. Палёво). «Сватали недолго тут, отец говорит мне: «Чё, девка, идешь ли, нет?» Я молчу, камень в горло закатился. «Ну, не отвечаешь, так на то бог». Свечку засветил,

¹ Чернышева М.Б. Музыкальная культура русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура, М., 1982.

так и выдал». (Зап. от Ильиных Н. П., 1898 г.р., д. Потаскуево). «Если невеста давала согласие, ставили самовар, сватунов усаживали за стол и начинали потчевать пирогами с *кариусом* (хариусом). «У рыбины-то дудочку отрежут, и вместе с головой запекут в тесте. Так и выносили». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., д. У. Улс). Во время трапезы будущие родственники обменивались подарками. Сватовщики дарили невесте шерсть, привезённую с собой, и рукавицы (*киписи*), «с гвоздями, в них гвозди натканы, чтобы на второй день свадьбы жених имал ими свою невесту». (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р., с. В. Язьва). В д. Талавол жених выпрашивал у девушки «на память» платочек. (Зап. от Мещуровой З. Н., 1913 г.р.).

Рукобитьё, просватанье

«Через дня два-три как невеста согласится, рукобитьё сделают, чтобы тёща знала, что начинается вечер, а не так, чтобы, как говорится, «откуда-то *приволилось*». На рукобитьё с матерью, с отцом идешь руку прижать у невесты». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). В местной традиции существовало несколько способов обрядового заключения договора между брачующимися сторонами. В Федорцово в знак окончательной договоренности сторон жених и невеста, помолвшись богу, пожимали друг другу руки. «Пожмут, да их разобьют, там уж самовар ставят, а как ино, раз уж помолвились – грех отказываться» (зап. от Углицких А. В.). В с. В. Язьва «как согласие, руки давали родители молодых. Чтобы сговор был посолднее, отцы пожимали друг другу руки через стол, также прикладывались и матери жениха и невесты. Как пожали, на стол ставили бутылку водки и все вместе её пили». (Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р.). В этом же селе руки пожимали друг другу только молодые. «Жених брал у невесты руку, а свекровка разбивала - ударяла сверху по рукам молодых». Только отцы жениха и невесты пожимали друг другу руки в д. Талавол: «руку на руку положат, а снизу сами же и разобьют». В д. Антипино при рукобитьи родственники жениха и невесты рук друг друга старались не касаться. «С этой стороны встанут, с их стороны встанут по два человека, полотенец возьмут, себе на руку намотают, а там кто сверху по нему рукой ударяет, разбивает как». (Зап. от Паршаковой П. Г., 1930 г.р.). «Когда уже *помирились*, согласились, родители невесты стали молодых благословлять. Отец взял икону, благо-

словил, сначала жениха, потом невесту, а за стол стали садиться, мать благословляла молодых хлебом: они на коленях стоят, им крест-накрест три раза стукнут по голове, всё, мол, идите». Во время пира родственники молодых договаривались о дне свадьбы, количестве и качестве приданого. (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино). Сразу после просватанья в доме невесты крест-накрест вешали две веревочки, натянутые из разных углов в избе под потолком. На верёвочки вешали всякие украшения: цветные тряпочки, соломинки и ленточки. После посиденки веревочки снимали, разрезали на части и дарили всем свадебжанам. (Н. Язьва). В с. Федорцово веревочку с ленточками и солодкой, протянутую от иконы к печи в доме невесты, снимали шафера и вязали на дугу лошади невесты в день отправления девушки к венцу. Вечером в день рукобитья к просватанной девушке приходили женщины и начинали причитать, оплакивать невесту. (Зап. от Паршаковой У. А., 1909 г.р., Антипино).

Свашить, невестой ходить («красоваться»)

С дня просватанья родственники молодых ходили, свашили: «гостились, знакомились сватовья, к невесте в дом собираются и к жениху тоже. Девушку вместе со всеми водили по её родственникам». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., с. В. Бычино). В дни свашенья невеста вместе с подругами шила приданое, днём ходила по деревне в цветах и лентах на голове, как говорили в местной традиции, «*невестились*». Вечером в бане, которую для невесты устраивали каждый день в течение недели, косу с лентами переплетали заново. Баню для невесты топили со всеми предосторожностями. Так, например, в д. Паршаково банщицам запрещали бить кочергой головешки в печи, чтобы потом муж жену не бил. «Баню истопят, подруги невесту моют, кто спину, кто голову – всё, кто чего моет. В баню пойдёт, подруги ленточки расплетут, а в бане-то уже ленточки заплетали в косу. Начинали плести с висков с пробором на две половины, сразу, вплетая ленточки, у затылка косы с лентами заплетали в одну косу, ленточки в бант не завязывали, оставляли распущенными, поверх волос повязывают косу, сплетенную с тремя ленточками, её завязывают на затылке, концы оставляют распущенными до половины спины. Каждую баню косу невесты переплетали заново. «Из бани невеста придет, торопятся уже половик ли чего постелить у дверей, в дом-то девушку заводят по половнику, чтобы богато жила. Из бани невеста придет, косу заплетут,

там уж друзья жениха приходят, вечеринки делают». (*Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино*). В с. В. Язьва девушка ходила невеститься в платке, на который сверху в виде обруча надевали ещё один, но только теперь уже скрученный платок с нашитыми на него метрowymi лентами. Особенности в оформлении головы невесты отмечены в кержацких поселениях, прежде всего в д. Талавол, д. Антипино и д. Паршаково. Так, например, в этих деревнях, помимо обруча с лентами, на голове девушки появляются цветы, сделанные из бумаги. «Как руку пробрили, невесте на веревочку нашьют ленточки и оденут её на голову невесты. Так она ходила до бани. Косу до бани расплетали, девка-то не давала этого делать, так ей руки завернут, тогда уже и расплетут. Из бани придет, ленточки опять одевают». (*Зап. от Паршаковой Е. М., 1910 г.р., д. Талавол*). «Невестой надо было ходить неделю с ленточками, со цветами, а через дней шесть уже готовили девишник. До девишника невеста в цветах, лентах ходила. Цветы на голову невесты делали её подружки. Цветы-то делали бумажны, ещё круг головы навяжут штук пятнадцать шелковых лент, они до пояса свисают. И в косе ещё лента была, её на бантик вязали, на конце косы-то. В баню-то без ленточек иду, там меня обмывают, потом приду домой, опять ленточки наденут, косу заплетут. Спать когда, тоже снимала ленты-то, а так ходила». (*Зап. от Мещуровой З. Н., 1931 г.р., д. Талавол*). В д. Паршакова и д. Антипино молодая ходила исключительно в лентах и цветах. «Ленточки с цветами оденут девушке, она так и ходит до свадьбы: цветы спереди, ленты сзади. (Паршакова). «Засватанная невеста в ленточках и цветах ходила, а жених-то каждый день к ней приезжал, подарки приносил. Невесту подруги в баню сводят, волосы заплетут, их в кружок уложат, а к нему ленточки длинные привяжут, много, до самого пояса, сверху цветы. Если у невесты крестная да крестный есть, невесту после бани в середину садят, между собой как на лавке-то». (*Зап. от Паршаковой М. И., 1925 г.р., д. Антипино*). После бани девушки ложились спать вместе с невестой. (В. Язьва). На неделе в дом родителей невесты «заходил жених, проведать будущую супругу, как она там, чего делает, готовится ли нет. Зайдет, разговор с тещей больше ведёт. Она скажет: «Вот и не заходишь, не знаешь, делать ли нет свадьбу-то»? – «Делай, продолжай». Теща там, чем есть попоит, покормит. Спать-то тут не положено. (*Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва*). В д. У. Улс жениха угощали пирогами с черемухой. (*Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р.*). Вечерами, после бани, к не-

весте приходили и друзья жениха. Молодёжь шутила, устраивала игры. Для жениха и невесты на этих вечеринках исполняли особую песню (со слов информанта с. В. Язьвы, эту же песню могли петь и в Троицу):

Я из горницы в горницу ходила,
Ох, я с собою трои ключики носила.
Ой, околларную коробку открывала,
Ох, я хрустальную посуду перебирала,
Всех красивше я стакашек, ой, да выбирала,
На серебряный подносик становила.
Наливая сладкой водкой, я наполняла,
Ой, своему дружку Ванюше я подносила:
– Кушай, кушай, друг Ванюша, ой, да веселися,
На меня, на красну девку, ты не надейся.
Ох, будто я, красна девица, сговорёна.
Сговорила меня мамонька родима
За (имярек) детину, за седого,
Я которого-то в девках не любила,
Ох, я с которым с-по игрищам да не гуляла.
Ох, да ты куда, дочи, колечико девала,
Ох, я девать-то его не девала,
Потерять-то я его не потеряла.
Очутилося колечико да у милого.

Красоту славать. Девишник

«В последний вечер, перед тем, как невесту повезут к венцу, банщицы воду наносят, невеста сама вымоется и всех подружек перемоет». (*Зап. от Собяниной М. Д., 1924 г.р., д. Паршакова*). Перед отправлением в *мыльну баню* невеста исполняла причет:

Не убойся ты, кормилец батюшка,
Ты меня же, молодёшеньку,
То не гора стоит, не высокая,
Не стена да белокаменная.
То твоё милое дитятко,
Свет Матрёна Тимофеевна.
Не просит у тебя злат-золот перстень,
Только просит благословеньице.
Меня твоё благословеньице

Из синя моря вынесет,
Из тёмна леса выведет.
Мне с твоим благословеньцем
Идти в темную парушу,
С кумушками-подруженьками,
Со сестряночками возлюбленными.

(Зап. от Болтуновой Л. К., 1911 г.р., с. Н. Язьва). (Также просили благословление у матери, со словами: «Не прошу у тебя цветного платья, а прошу благословеньце»).

Невеста посылает вестку-грамотку отцу, если он умер. «Грамота слезами плачется, а не пишется»:
Не пером пишу, не чернилами,
Не на листу, не на гербовом.
Я пишу на своём лице
Горючими слезьми.

Да уж вы дуньте, ветры буйные,
Да уж вы ли гряньте-ко, громы громовые,
Да разнесите мать-сыру землю,
Да расколите гробову доску,
Вы снимите-ко саваны белы.
(Зап. от Ермаковой А. К., 1925 г.р., с. Н. Язьва).

Когда вели невесту в баню, подружки заводили «обидные» песни:
Что и весело было,
Что было полным-полно
На закате красно солнышко,
Да на заре было вечерное.
Затоплялася мыленка
Да разгорались дровичи,
Да накалились камешочки.
Наносили воды ключевые,
Да налили щёлоку чистого,
Сомывали-то дивью красоту,
Да собирали горячи слёзы,
С ретива лица кручинушку.
Да улетала да дивья красота
Да дымным банным-то окошечком,
Да тут-то шел жо добрый молодец,

Болтунов Прокоп Александрович.
Подстрелил он дивью красоту
Да он под правое под крылышко.
(Зап. от Ермаковой А. К., 1925 г.р., с. Н. Язьва).

В д. Паршаково во время бани невесте в последний раз расплетали волосы, исполняя при этом причет:

Затоплялася банюшка
Да у семинских девушек.
Ох, смывайте девью красоту.
Ох, пошла девья красота
Да по полю зелёному,
Да по лесу тёмному.
(Зап. в д. Паршаково).

«Накануне мыленки приезжал свёкор, невесте привозит ящик, там водку, мыло, привозит сыр, рыбный пирог, угощение. Потом невесту в баню везут. Когда её моют, поют: «Пролетела девья красота дымным банным окошечком». Потом уже парень принесет девушке мыло». (Зап. от Паршаковой П. Г., 1930 г.р., Антипино). «В этой же бане жених и мылся, вместе с невестой». (Зап. от Гординой А. В. 1932 г.р., Антипино). В д. Ванино девушка мыла, а потом одаривала ленточками маленьких девочек, которых обязательно водили в баню вместе с невестой. (Зап. от Ваньковой А. А. 1934 г.р.). В Федорцово ленточки невеста дарила мальчишкам. В с. В. Язьва мыли того, кто заходил в баню смотреть невесту. «Кто невесту мылит, тот и моет этих, кто её смотрит. Невесту до жениха в баню водят, её моют, чистенькой отправляют. Вот она в замуж выходила, молодежь тут собиралась: «Давай в баню мыться, вместе с невестой», - для смеху тут заскочили. Эти, которые моют, юбочки раз, понадевали, чтобы не видно было. Невесту тут быстренько собрали. Это как для смеху. У жениха свадьба, а у невесты девишник назывался, вот они там и пируют». (Зап. от Антипина А. М. 1932 г.р.). После того как выводили в мыльну невесту, баню опять топили, теперь в неё шел уже «остальной народ». (В. Язьва). После бани устраивали посиденок. «Тут уже приходили гости жениха, гуляли всю ночь, а наутро жених с невестой ехали в церковь». (Палёво).

В с. В. Язьва невеста после бани раздаривала подругам ленточки, таким образом она символически прощалась с девичьей жизнью. Косу расплетали невесте за столом, сразу после бани, перед приездом жениха. «За столом расплетают косу, она не дает, воеет, по столу руками колотит. Девки руки-то заламают, да вот косу-то и распушат. Потом две косы делают, заплетают волосы на две косы и вокруг головы укладывают». (Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г.р., д. Ванино). «Красоту – самую красивую ленту из косы невесты, её садили на икону, как в песне: она, мол, идет по одной тропиночке, – тут еще красота-ленточка на столе лежит, потом уже поют уже другое, мол, ко сердцу прижмет, – тут уже невеста берет ленту со стола и прижимает к сердцу, а как только скажут: «Подыму свою красоту на буйну головушку»- красоту невеста себе на голову положит, с н её уже кладёт на икону». (Федорцово). «Причитала невеста много, то сама, то бабушки какие помогают. И на сдачу красоты, и на волосы пела».

Дорогие, вы, милые волосы

Дорогие, вы, милые волосы,
Я ходила с вами, гуляла,
По лесам, лесам темным,
По лугам, лугам зелёным,
По цветам, цветам лазуревым,
По травам, травам по шелковым,
По полям, по полям чистым,
По пшенам да белояровым.
Украшала вас, русы волосы,
Шелковыми лентами.

(Зап. от Вакориной Т. С., 1912 г. р., д. Губдор, архив ПГУ 1986, тет. 330, № 10).

Невеста причитает, когда сдает красоту, свахам:

Ох, вы свашеньки, свашеньки,
Шипица вам в руке-те,
Шипица бы вам колючая,
Крапива бы вам жгучая,
Не делили бы вы мою русу косу,
Да не плели бы вы мне две косы,
Распроклятая шамшурочка

Да по подвалицам валялася,
По помойкам таскалася,
Да мне, девушке, мне да пригодилася.
(Зап. в В. Язьве).

Еще один текст причета невесты содержит обращение молодой к своей матери:

Сяду я, молодешенька,
На лузёву белую лавочку,
За столы, столы дубовые,
За столешеньки кедровые,
За скатёпочки шиты браные.
Припаду я, молодёшенька,
Ко столешенькам кедровеньким,
Ко скатёročкам бранненьким.
Нет ни свету, да ни привету,
Человечьего, зычного голоса.
Припаду-ко я, молодёшенька,
Ко своей родимой маменьке.
Подойди, миленька моя, родима мамонька,
Подойди-ко ко столу дубовому,
Ко мне молодёшеньке,
Расскажи мне, как с красою расставатися,
Со белою распрощатися.
В который день, в который час,
Либо в среду, либо в пятницу,
Либо в светлый день воскресеньице
Или несчатный день, день понедельничек?
– Ой, ты, миленькое моё дитятко.
Ты расставайся-ка не по-моему,
Да всё по-своему.
Тебе не легче ли достанется
Хорошо было красоватися,
Тяжело стало расставатися.
Ты со мной, моя дивья красота,

Попричитав, невеста начинает раздавать свою девью красоту: ленты, соломинки, тряпицы:

Раздам я дивью красоту
 Своим милым сестрам,
 Своим дорогим сестряночкам,
 Своим дорогим подруженькам.
 Носите вы, да не поморгуйте,
 У меня честная девья красота,
 Сбережённая.
 Пошла ли моя девья красота
 По столам, столам дубовеньким,
 По столешенькам кедровеньким,
 По скатёрочкам браненьким,
 По лузёвым белым лавочкам,
 По полу, по полу дубовому.
 Среди полу становилася,
 Господу-богу помолилася,
 Со мной ли навеки распростилася.
 Прощай, прощай, моя дивья красота,
 Нам с тобой боле не видеться,
 На встречи с тобой не сжигиваться.
 Хоть сойдёшься – не поклонисься.
 А поклонисься – отворишисься.

(Зап. от К Кузнецовой П. Н., г. Красновишерск, архив ПГУ, т. 28, текст 226).

После раздачи ленточек невесте надевали фату. «Фату одевали как платок, сзади завяжут, шпильками закрепляют и цветы поверху – всё, к жениху ехать готова». (В. Язьва).

«В девишник ещё честность проверяли невесты: на пол бросали банки, горшки, зеркало. Если банка или зеркало разбивалось, девушку признавали бракованной». (Зап. от Бычиной Е. В., 1939 г.р., д. Палёво).

По невесту ехать

В день венчания жениха украшали: надевали черный костюм и к нему прикрепляли ленточки. (Зап. от Антипина С. Д., 1928 г.р., Антипино). В с. В. Язьва жених шел венчаться в белых домотканых штанах. «Собираясь к невесте, жених приглашал своих родственников,

сватов, собирал своих дружков, а вот отца и мать не брал». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино). «В поезде обязательно должен был быть тысячка, он командующий всей свадьбой, там приказы, указы, тащи это, то, всё за ним. Тысячкого выбирают смешного мужика. Ещё дружку берут, он и есть шафер, у него язык должен быть подвешен, на свадьбе ведь дружить надо, работать». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., У. Улс). «Набрали свадебжан, тронулись. Впереди жениха верхом шафер едет, самый близкий друг жениха, он с ленточкой через плечо, слева направо». (Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва). «Крестный запрягает одну лошадь в кошовку и садит в неё жениха, а там едут назначенные от жениха, дружка, большие бояра, они тащат водку, бутылки две, и пиво домашнее, а невеста ждёт, во сколько приедет жених, наблюдает, её в этот день в бане моют девки, снаряжают, человека три. Ждут жениха. Вот жених приезжает, у него подвода одна, другая подвода идет с большими боярами и с дружкой, а третью подводу жених должен найти у невесты. Вот приезжает к невесте, они закрываются, жениха не пускают, вот для чего и название, вот это дружка, он большой человек на свадьбе, тут крестна не командует, тут командует дружка. Лошадей пугать, вот у жениха приедут, родственники невесты выйдут, стреляют, а дружка догадается, возьмет лист бумаги, возьмет, у лошадей уши заткнет: «Стреляй, стреляй, у меня кони не такие, не трусливые». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). К дому жених-то со свадебжанами подъехал, женщины тут со стороны невесты песню запели:

Ой, билася буря, билася буря
 Перед тучею да перед грозною.
 Ой, не было ветру,
 Да вдруг навинуло,
 Не было гостей,
 Да вдруг приехали.
 Полна ограда золотых карет,
 Полон двор да вороных коней,
 Ой, полные сени да молодых кучеров,
 Ой, полно застолье дорогих гостей.
 Ой, стучается, колотится
 Удалой молодец.
 Ой, просит свое,
 Просит свое,

Да просит суженое,
Да просит ряженое.

(Зап. от Паршаковой П. С., 1900 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 3286, № 172).

Вариант этой песни, которой встречали гостей жениха, записан

в д. Антипино:

Не было ветру,

Вдруг повеяло,

Не было дождя,

Вдруг и ляннуло,

Не было гостей,

Да вдруг наехали.

Зять у ворот

Да насылается:

— Здесь у меня

Да моя суженая,

Да моя ряженая.

Вывели ему

Ой, быка за рога.

— Это не моё,

Ох, не суженая

И не ряженая.

Вывел ему тятя

Петуха да на плеча.

— Это не моё,

Ох, не суженое

И не ряженое.

Вывели ему

Да красну девицу душу (имя).

— Вот, да моё,

Да моё суженое,

Да моё ряженое.

(Зап. в Антипино).

«Под песню-то дружка идет к двери, а там они на крючок за-крылись, надо к невесте забраться как-то. Вот дружка и спрашивает, у него есть такой разговор, как «подъехать». К двери подошел, стукнул:

«Ехали по лесам, по лугам, по всяким болотам, рекам. Попали на куничий след, и вот, где нас след привел, куница, не тут ли куница живет.— Здесь. — Давайте, открывайте». Вот дружку пропустят, еще никого не пускают. Он зайдет без жениха, стопку водки выпьет, и давай выпрашивать: «Стоит князь на одной ножке, ждет свою сужену, свою ряжену. Можно пустить?» Невеста скажет: пускай, мол, дверь тогда открывают. Крестный заводит жениха за платочек. Жених заходит, за ним сразу за стол все идут. Невесту пока жених не видит. Большие бояра за женихом идут, здороваются. В доме невесты первыми здороваются гости со стороны невесты, а в доме жениха уже со стороны жениха первыми приветствуют родню-то». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). В Федорцово когда здоровались, подавали перевернутый стакан с водкой, поставленный на блюдечко. В доме невесты первым подавали родственникам невесты: обязательно отцу, матери, а в доме жениха потом первым подавали жениховым родителям и его родне. В Антипино «дружок подружит, двери откроют. Сваха жениха и невесты пиво выносят, а если у жениха сваха с водкой идет, налитой в стакан, то и у невесты сваха выходит с водкой. Наливали-то так, чтобы никуда не капнуло. Эти свахи обменяются стаканами, выпьют все. Женихова сваха тожно возьмет за платочек жениха и заведет за стол, посадит, невестина сваха за молодой идет, молодые держат друг друга за платочек. Тут уже тысячкой начинает вызывать всех ко столу, всех гостей со стороны невесты. Тогда невесту посылают одеваться, свахи ли одевают ее, в парочку с голуба-теневаую. Невесту посыпали солью, когда одевали в одежду». (Зап. от Заколоткиной А. Н., 1936 г.р., с. В. Язьва). «А невесте всех девок надо было перетрясти, чтобы их кто-то замуж быстрее взял. Невесту одели, и обратно за стол. Тут женихова сваха вперед выходит, невестина сваха уже там за женихом остается, сидит с тысячкой рядом. Я сижу, рядом жених, потом сваха и тысячкой». (Зап. от Паршаковой П. Г., 1930 г.р., д. Антипино). «За стол сели. Дружка опять, тут ведь невесту выкупать надо. Которы в бане были девки, выпрашивают, чтобы три копейки дал за невесту, с тарелочкой придут. Копеечку дружка положит, им покажется маловато, они тарелочку вернут: «Надо добавить». Когда невесту выкупали, тысячкому ещё дали три литра пива выпить: выпей, мол, а то невесту не получишь. Дружка и жених пить помогали». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). В д. Талавол жениху давали выпить всю воду, из банки, на дне которой лежали ключи. Пить жени-

ху помогали его дружки. «С жениха еще требовали сказать приятных сорок слов невесте. Как всё сделали, тысяцкий выводит невесту к жениху и сажает». (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р., с. В. Язьва). «Молодые стол обходят слева направо. Лавка не голая, тут шуба лежит, чтобы богаче жить было». (Зап. от Бронникова А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва). «Под шубу молодым клали деньги, а если хотели спорить, худую какую вещь». (Зап. от Кичигина Н. В., 1937 г.р., с. В. Язьва). «В У. Улсе невесту выводили, там ещё высказки всякие были. Свааты заходят за невестой и ведут её к жениху, который стоит у стола, за голую руку. Невесту спрашивают, согласна ли она, потом жениха спросят, согласен ли он взять себе в жены. Родители невесты спрашивают жениха и, наоборот, согласна ли стать любезной – девку, потом за стол садят». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р.). «Невесту выводили из кути и вели за стол, тогда уже молодые ногу топтали друг другу, кто кому первый заступит, тот и верховодить в доме будет. У жениха крестный впереди, а её крестну поставили сзади. Большие бояра командуют: «Попейте наше пиво, попробуйте». И с невестиной родни тоже пиво предлагают. За столом сидят так: крестный, потом жених, потом невеста, большие бояра, потом уже как сзади крестна у невесты, а дружка все на ногах, он главный тут в доме. У меня главный тут человек, называется как большие бояра. Он пивом командует, тоже мужик. По кругу подают каждому из одной кружки, по очереди. (Зап. от Антипина А. М. 1932 г.р., с. В. Язьва). Жених справа на мягких подушках сидел, невеста рядом. Молодые ели из одной посуды, то же, что и все: пельмени мясные, рыбный пирог. «Пирог-то ещё шевелить нельзя было, чтобы семья крепкая была, его ели изнутри, не шевелили, верхнюю корку отрезали, едят кусками, с разрешения тысячника. В пирог нельзя было класть яйцо и рис. Могли делать и такой пирог: на сочень клали капусту, затем лук, следующий слой делали из рыбы, и опять капусту – все это закрывали слоём теста. На закуску грибы и пельмени». (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р., с. В. Язьва).

Во время свадебной трапезы каждому свадебному чину пели величальные песни. Начинали с жениха:

Да, как и ноне-то, во нонешнем году
Уродился виноград во саду,
Уродилась роза розовая.
Я сорву, я сорву-ка

С розы розовый цветок,
Уж я сяду под ракитовый кусток.
Я цветочком люблююся,
Красоте своей дивуююся,
Красота, да, моя красота,
Красота молодецкая,
Удалого добра молодца,
Свет Ивана да Егоровича.
Я еще того белее снаряжусь.

Я пойду-ка в сбор,
Богу помолюся,
На все четыре стороны поклонюся:
– Ты создай, боже, невесту по себе,
Мне-ка умную-разумную,
Мне-ка кроткую, смиренную,
Да отца-матери богатого,
Роду племени хорошего.

(Зап. от Просвирниной Е. С., г. Красновишерск).

Следующей песней славили невесту:

Из-за лесу-то, лесу
Выбегала карета,
Золотая, да не простая.
Во той-то карете
Красна девица сидела,
Свет Мария Васильевна.
Ко карете припадала,
Кучерам причитала:
– Кучера вы молодые,
Неженаты, холостые,
У вас кони вороные,
Уздечки шелковые,
Вожжечки силяные,
Рукавички смоляные.
Вы стегайте легонько,
Понужайте тихонько.
Мне от мамоньки ехать,
Путь-дороженька дальше.
У тятеньки была воля,

У мамоньки – нега.
 Ложилась я раненько,
 Вставала поздненько.
 Добрый молодец промолвил,
 Свет Николай Степаныч промолвил:
 – Не плачь, красна девица,
 Дам я тебе волю,
 Дам я тебе негу,
 Вечером ложись поздненько,
 По утру вставай раненько.
 – Чёрт-те не воля,
 Чёрт-те не нега.

(Зап. от К Кузнецовой П. Н., г. Красновишерск).

Каждому участнику ритуала была своя песня. Тысячкому пели:

Еще станьте-ко, певицы,
 Все на ножки,
 На сафьяновые да на башмачки,
 На белёвые да на чулочки.
 Посмотрите-ко, певицы,
 По всей свадьбе.
 Ещё кто у нас на свадьбе
 Всех басся?
 У нас тысячка да воевода,
 Он раньше воевал да городами,
 Ой, городами,
 А теперь он воюет головами,
 Ой, головами.
 Валиной да головой,
 Ваниной да красотой.
 А у тысячки
 Голова-то ой кудрявая,
 Да во сахаре головушка лежала,
 Ой, лежала,
 Во сладком меду голова купалась,
 Будто белый кот да на окошке,
 Крупитчатый калач да на тарелке.

(Зап. от Южаниновой А. Н., 1904 г.р., д. Ничково).

Тысяцкому могли исполнять и другую песню:

У столба, столба дубового,
 У колечка серебряного
 Отвязался наш сивый конь,
 Заскочил он к Иванушке во двор,
 Зелен садичек повытоптал,
 Яровы хлеба повыщипал.
 Тужит его жена милая,
 Тужит его жена любимая.
 – Не тужи- ка, женка милая,
 Не тужи, жена любимая,
 Свет Мария Ивановна.
 Наживем сад получше того,
 Да получше, да повежливее,
 Что со калиной- малиной,
 С черной ягодой- смородиной.
 Наживем мы мила сынушку,
 Свет да Павла Ивановича,
 Наживем мы милу сношеньку,
 Свет Наталью Ивановну.
 Наживем мы милу свашеньку,
 Свет Авдотью Михайловну.

(Зап. от Макушиной Е. И., 1889 г. р., д. Новые Сыпучи).

Особую *опевочную* песню исполняли для шафера:

Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный,
 Кто у нас хороший,
 Да кто у нас пригожий?
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 Володенька хороший,
 Киреевич пригожий.
 Розан, мой розан,
 Виноград зелёный.
 По сенечкам ходит
 Да клобук не ломает.
 Розан, мой розан,

Виноград зелёный.
 По горнице ходит,
 Да чулок не марают.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 По конюшне ходит,
 Да комоня имеет.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 Комоня имеет,
 Седлышко седлают.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 Седлышко седлают,
 Пилькалькое седлают.
 Розан, мой розан,
 Виноград зелёный.
 На коня садился,
 Да конь-от веселился.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 К лесу подъезжает,
 Да лес-от зеленеет.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 К речке подъезжает,
 Да речка взволновалась,
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 К дому подъезжает,
 Да мамонька встречает.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 - Где ты, сын, бывал-то,
 Да где ты проезжал-то,
 Розан мой розан,
 Да виноград зелёный.
 - Ездил по деревням,
 По разным по селеньям,
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.

Выбирал невесту,
 Да выбирал хорошу,
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.
 Валентиновну хорошу
 Ивановну пригожу,
 Розан, мой розан,
 Виноград зелёный.
 В комнату заходит,
 Да мамонька заводит,
 Розан, мой розан,
 Виноград зелёный.
 Берёт она за ручку,
 Да садит её за столик.
 Розан, мой розан,
 Да виноград зелёный.

(Зап. от Болтуновой Л. К., 1911 г.р., с. Н. Язьва).

Распространённым, частым было исполнение в этот момент песни «Из- за лесу да лесу...», в которой главным мотивом является мотив прощания невесты с домом:

Из- за лесу да лесу, раю-раю,
 Выбегает карета, раю да раю,
 Карета не простая, раю да раю,
 В ней сидела девица, раю да раю,
 Девица да свет Анна, раю да раю,
 Да Ивановна, раю да раю.
 Слезно плачет, рыдает, раю да раю,
 Кучерам причитает, раю да раю:
 - Езжайте тихонько, раю да раю,
 Понужайте легонько, раю да раю.
 Мне от батюшки ехать, раю да раю,
 Мне от матушки ехать, раю да раю,
 К чужому двору подъехать, раю да раю.

(Зап. от Макушиной Е. И., 1889 г. р., д. Новые Сыпучи, архив ПГУ 1982, тет. 303, № 34).

В другом варианте этой песни на первом месте стоит мотив уговаривания невесты женихом:

Из лесу да лесу, раю да раю,
 Из-за мелкого перелесу, раю да раю

Выезжает карета, раю да раю.
 В карете молодец, раю да раю.
 Он садился к девице, раю да раю,
 Уговаривал красавицу, раю да раю:
 – Ты не плачь, Анюта, да раю да раю,
 Уж дам я тебе волю, раю да раю,
 Великую негу, да раю да раю
 Куда пойдешь, да спросися, раю да раю,
 Откуда придешь – доложися, раю да раю,
 Что принесешь – поклонися, раю да раю,
 – Ох уж эта чертовска нега, раю да раю,
 Ох уж эта чертовска воля, раю да раю.
 Я у тятеньки жила же, раю да раю,
 Я у маменьки жила же, раю да раю,
 Куда уходила – не спросилась, раю да раю,
 Откуда приходила – не доложились, раю да раю,
 Что приносила – не клонилась, раю да раю.

(Зап. от Макушиной Е. И., 1889 г. р., д. Новые Сыпучи, архив ПГУ 1982, тет. 303, № 35).

В песне «Не спала бы я красна девица...» (широко бытовала и вне свадебного обряда, как любовная) звучит мотив прощания невесты со своим прежним другом:
 Не спала бы я, красна девица,
 Так на окошке белой грудью пролежала бы.
 Я своего-то разлюбезного дождалася.
 Я едва-едва его дождалася.
 Я за шею ему сохватилася,
 На колени ему мягкие садилася,
 Я на очи его ясные засмотрелася,
 На лицо его загляделася.
 Я из комнаты выходила,
 Золотые ключики выносила.
 Три замочка открывала,
 Я хрустальную посуду перебирала,
 Я выберу стакашек побассее,
 Я налью-ка сладкой водочки всех полнее.
 Кушай, кушай, друг Ванюша, веселися,

На меня, красну девушку, не сердися.
 Говорят, что за другого детинушку
 Я просватана.
 Я которого во девках не любила,
 С руки перстень ему не дарила.
(Зап. от к Кузнецовой П. Н., г. Красновишерск, архив ПГУ, т. 28, текст 225).

В песне «Как на стуле на ремесчатом...» невеста прощается с девушками-подружками:
 Как на стуле на ремесчатом
 Сидел добрый молодец,
 Свет Иван Петрович.
 Он чесал буйну голову
 Частым рыбьим гребешочком,
 Завивал желты кудерцы
 Золотым да веретёночком.
 Завивал да сам приговаривал:
 – Прилегайте, мой кудерцы,
 Ко моему лицу белому,
 Ко моему ко румяному.
 Привыкай, душа красна девица,
 Ко моему уму-разуму,
 Ко моему ко характеру,
 Свет Матрена Тимофеевна
 Ко молодецкому, парнецкому.
 – Мне ум твой не нравится,
 Характер не глянется.
 Еще как же я буду свёкра звать?
 Мне свекром звать не нравится.
 Молодец девку стал обманывать,
 За себя замуж приговаривать,
 За себя замуж приговаривать:
 – Пойдем, девица, пойдем, красавица,
 За меня замуж, за детинушку,
 За беловатого, за кудреватого.
 Со того девушка испугалася,
 Стала кликаться, стала гаркаться:
 – Ой, вы кумушки, мои подруженьки,

Соберитесь на зелёный луг,
Становитесь во единый круг,
Пособите мне понабраться,
Хоть по яголке, хоть по горсточке,
Вам не жаль будет - по пригоршенькам.
У вас есть родимы маменьки,
У меня младой не родная мать –
Злая мачеха.

Она журит-бранит, отцу бить велит:
– Ты бей её, ты ломай её...

(Зап. от Макушиной Е. И., 1889 г. р., д. Новые Сыпучи, архив ПГУ 1982, тет. 303, № 37).

Другие песни этого момента свадьбы – песня «Как по матушке по Вишере-реке», «Ой вы, соколы, соколы»:

«Как по матушке по Вишере-реке»

Как по матушке по Вишере –реке
Невелико суденышко плывет.
На суденышке немного людей:
По моему счету, семь человек,
Восьмой кашевар - кашу варил,
Девятый водонос - воду носил,
Десятый - по суденышку похаживает,
Калену срелу налаживает,
Сам ко стрелке приговаривает:
– Ты лети, моя калинова стрела,
Выше лесу, выше обволока,
Ты убей, убей, калинова стрела,
На приплаве гуся- лебедя,
Серу уточку на ржавчине,
Серу бабу на печи в углу,
Красну девицу в высокою терему,
Белый лебедь-то есть вы – моя,
Стара бовушка- теща моя,
Красна девица – невеста моя,
Зинаида свет Федоровна.

(Зап. от Паршаковой П. С., 1900 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 172).

«Ой, вы, соколы, соколы»

Ой, вы, соколы, соколы,
Ой, вы куда, соколы, летали?
Ой, мы летали, спролетали
Во чисто поле Вольнское.
Вы кого да там видели?
Ой, мы видели, спровидели
Караван да серых утицок
Вы пошто одну не поймали?
Ой, мы поймали, поймали
Мы одну да серу утицу.

(Зап. от Щеткиной Л. Е., Щеткиной Н. В., 1915 г.р., в д. Ротегово, архив ПГУ, тетр. № 359, текст № 18).

Когда из-за стола вышли жених с невестой, тысячко назначает, сколько пировать будет у жениха родственников со стороны невесты: «Сватья (теща), давай говори, назначай, у тебя должны пять-семь человек с нами уехать». Тут уже тысячко командует. Дружка всё, невесту высватал, его дела здесь кончились». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). Жених положит под шубу, на которой сидел, денежку. её забирала себе теща, как только молодые уезжали в церковь. (Антипина). Особым образом молодые выходили из-за стола в старобрядческой свадьбе. «Каждый гость брал за платочек другого гостя, сидящего рядом, так все и выходили из-за стола по солнышку». (Зап. от Заколоткиной А. Н., 1936 г.р., с. В. Язьва). Как только невеста из-за стола пошла, потянула за собой скатерть, чтобы подружки тоже вышли замуж. Гости, кто успел, хватали посуду, чтобы на пол не упала, не разбилась. Тут молодая запричитала, выпрашивая родительское благословление:

Во поле верба качается
Красна девица благословляется,
Ой, да благослови, родный тятенька,
Благослови, родима мамонька.
(Зап. в Антипино).

«Родители из-за стола вышли, стали благословлять: отец – иконой, мать – хлебом. Ерушник молодые кусили рядышком, кто больше

закусит, тот богаче будет жить. Откушенный каравай молодые забирали с собой. (*Зап. от Гилёвой Г. И., 1932 г.р., д. Палёво*). В д. Антипино молодых благословляла мать невесты - «сначала иконой, потом хлебом. Хлеб был очень большой, высокий. Край хлеба, после того, как его откусывали жених и невеста, отрезали, высушивали и клали в сундук с приданым, хлеб лежал там целый год, затем его скармливали корове, чтобы всё велось, хорошо жилось. Собаке этот кусок давать запрещали». (*Зап. от Антипиной Л. А., 1939 г.р.*). В этой же деревне, со слов Гординой А. В., 1932 г.р., при благословлении коврижку хлеба заставляли кусать только невесту со словами: «Благослови, Господи». Среди кержацкого населения благословление могло проходить и так: «невесту благословляли иконой Богородицы – мать, отец – Исусовой иконой. Мать только невесту благословляла, которая стояла на коленях: «Благословляю тебя, дочь, на супружескую жизнь». Потом благословлял отец». (*Зап. от Закалоткиной А. Н., 1936 г.р., В. Язьва*). Когда благословляют: молодые кусают хлеб по очереди, коровай с одного места, сначала благословляют жениха, и делает это мать, потом невесту: крест-накрест по голове постучит и дает кусать, молодые на коленях стоят. Хлеб девушка забирала с собой. Если невесте будет скучно в доме жениха, она кусала сухари, которые оставались от хлеба, испеченного специально матерью для благословления в доме невесты. Остатки хлеба после благославления невеста забирала в дом жениха и хранила у себя в сундуке, сухарями». (*Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р., В. Язьва*). Девушка забирала с собой также и икону, которой её благословляли. (Оралово).

«Как повели молодоженов из дома, стали их оберегать. Чтобы дорогу у них не скрали и жениха с невестой не испортили, брали уголек из печи и рисовали им на спинах молодых маленький крестик. На улице парня с девкой опять подушками пуховыми понужали стали, тут опять их дружка защищал: «Стой, куда побежали, залазьте в карету». Как в карету сели – всё, бить уже нельзя, чемоданы положили, тогда уже поехали». (*Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва*). Иначе этот обряд проходил в Антипино - как только жених направлялся к своей кошовке, его начинали бить веревками, сделанными из соломы. При каждом ударе подружки невесты, участвующие в процедуре, кричали: «Кому попало, тому да, кому нету - не беда». «Невесту отправляют из дома с багажом, там чемодан, подушки, постельную принадлежность, тут девки, которые в бане мыли невесту, идут, хотят

набить подушками жениха, напичкать горбашки-то жениху и невесте, а дружка командует, он задарживает, чтобы жениху и невесте не попало. А как из дома поехали, опять из ружей стрелять стали». (*Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., В. Язьва*).

«На улицу вышли, лошади все изукрашены в ленточках на дугах. Стали из ружей стрелять в воздух, лошадям-то уши заткнули ватой, чтобы не пугались. Три раза стрельнули из трёх ружей, тожно тут тысяцкой и спрашивает: «Все ли гости в купе, все ли в сборе?» Тожно поезд и трогается. Как тронется, надо, чтобы поезд нигде не останавливался, всё вперед надо делать». (*Зап. от Паршаковой П. Г., 1930 г.р., д. Антипино*). «В церковь ездили гусем обязательно. Две упряжки в гуся запрягали. Гусем – это одна лошадь впереди на постромах идет, она вся в цветах, косынках, которые к шлее привязывали, а вторая лошадь – коренная, за ней в оглоблях идет, с дугой, на которую вешали колокольцы. На первой гусёвке шофёр вез невесту и жениха, на второй гусёвке шафер вез отца и мать невесты. На третьей гусёвке, её уже у невесты возьмут, ехала вся родня. Шафера выбирали, мол, *подъездным*, Ваня, будешь. Наряжали его в белый овечий шарф, шириной с ладонь, шарф через плечо перекидывали с левого на правую сторону, он длинный так свисает. Кучер, жених и невеста, теща ехали в дом жениха». (*Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., д. У. Улс*).

В с. В. Язьва вместе со свадебными ехал *киловоз*. «Киловоз - он чемодан везет, принадлежность, есть брат, он и везет. Едет на третьей лошади, обоз будто идет, и делают еще верховые лошади. Это *верховая дружка* называется, просто молодежь, угланов впереди жениха пустят, просто в седлах едут, а сзади жениха бояра едут, а с последним едут киловозы с багажом. Обоз идет, пошел пировать. Невеста с женихом едет в одних санях, и, кроме крестного, больше никого с ними нет. Как отъезжать будут, тоже стреляют, и домой приедут - стреляют. Киловоз сзади подошел, там караулят его. Сундук у него. Киловозу охота попить, посмеяться, он говорит: «Четыре угла у сундука», - значит, который встречает его, четыре стопки водки подает, на каждый угол по стопке. Четыре раза подал, а киловоз возьмёт да и перевернет его, сундук-то, как еще четыре угла есть: «Ещё четыре стопки». А как подали еще, сундук на торец, да на другой торец, тут же опять по четыре угла с каждой стороны. Так восемь, да восемь – шестнадцать углов получается, так шестнадцать раз и подают, ну, как надоест: «Так сойдемся», - ну, так и сходятся. Он сам-то выпьет сколь-

ко-то, другим подает. Вышел, его опять: «Ну, чего, сундук-то мой?» - «Нет, там еще четыре угла есть». До того доиздевается, что за все шестнадцать углов водку выпросит. В доме-то жениха девушки всё приданое развешат, там шторы, полотенца». (*Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р.*) В Федорцово приданое невесты привозили раньше поезда с молодыми. «Пока венчание идет, девушки в доме родителей жениха всё снимут: там шторы, полотенце, и свое навешат».

Как тронется поезд с молодыми, уже нигде по дороге не оставался, не должен. (Антипино). По дороге свадебжане примечали, какая жизнь молодых ожидает в будущем. «Поехали в дом жениха, началась *падера*. И лошадь не идет, в дыбы, жизнь так и не заладилась, дыбом пошла». (*Зап. от Бычиной Е. В., 1939 г.р., д. Палёво*). «На свою свадьбу пешком пошли, так всю жизнь пешком и ходили, если бы на машинах поехали, всю жизнь ездили бы на машинах». (Цепел). «В церковь поехали молодые, завертки у лошади оборвались - невеста и жених недолго прожили вместе-то». (В. Язьва).

Венчание

«У ограды церкви молодых дожидали односельчане, кто венчание смотреть пришел. Они свадебный поезд сразу в ворота не пропускают, сделают живую стенку: друг друга за руки подхватят, стоят перед поездом и выкуп требуют. Тут тысячка ли, дружка мужиков-то вином поят, как откупают ровно что». (*Зап. от Боронникова А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва*). В церкви-то мать невесты стелет покрывало под ноги молодым. Эту ткань сохраняют потом до рождения первого ребенка, чтобы завернуть в неё младенца. Во время венчания опять же примечали, какая у молодых жизнь будет. «Вот, венец упадет, считай все наперекосяк пойдёт». (Антипино). В церкви девушке заплетали две косы и укладывали волосы вокруг головы. Это обязательно. Две косы заплетали и в том случае, если эта же девушка еще раз выходила замуж. Плели волосы невесты особым образом. Считалось, что плетью вверх надо было заплетать девкам и бабам, а когда хоронили или венчали - плетью вниз. (*Паршакова Е. М., 1910 г.р., Талавол*). «Венчанной нельзя было голову показывать солнышку, поэтому как только заплели волосы, на молодуху одевали *моршень*». (В. Язьва). В д. Сёмино в две косы волосы невесты заплетали в доме жениха, сразу после приезда из церкви. (*Зап. от Тарасовой Г. А., 1917 г.р., д. Сёмино*), а в с. В. Язьва две косы вообще не плели, девушке делали только *кокуру* да *моршень* одевали. (*Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г.р.*).

Пир в доме жениха

«После церкви, это раньше, а так после росписи гуляют у жениха. Обычно свадьбы в субботу, воскресенье делали, и в понедельник. Пятницу-то как постный день считали». (*Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р., с. В. Язьва*). «Вот в субботу из церкви приехали, молодых встречают у крыльца дома родители жениха. Мать жениха стоит с караваем хлеба и солью, а отец держит чашечку с хмелем, ячменным и пшеничным зерном. Невеста и жених должны откусить от хлеба, и в зависимости, кто больше откусит, тот и будет главой семьи. Мать произносит речь: желаем, мол, жить в согласии, дружбе. Отец обсыпает молодых хмелем, зерном, чтобы супруги жили всегда в достатке и благополучии. После всех приглашают в дом за праздничные столы». (Цепел). «Чтоб сноха боялась, некоторые свекрови на голову горшков де оденут вместо платка-то, да так и выходят встречать молодых». (Антипино). Жениху с невестой перед входом в дом бросали под ноги сено. (Талавол). Вообще по голому полу молодым ходить запрещали. В с. В. Язьва перед приездом новожёнов стелили половики. (*Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р.*) В Федорцово молодым под ноги кидали еловые ветки.

«Дружка заходил в сени с рюмкой водки в руке, его встречали свахи с рюмкой. Кто из них выше поднимал чарку, та сторона править должна была. Свахи-то могли подпрыгнуть, иную сваху могли приподнять». (*Зап. от Заколоткина А. Н., 1936 г.р., с. В. Язьва*). В д. Талавол «победившая» сваха выливала своё вино на молодых. Свахи д. В. Бычино не только боролись в сенках дома жениха, но и мирились друг с другом. «Сваты спорили, кто выше поднимет пиво, того верх будет, если женихова сватья, то жених править будет. Свадьбы боролись, как встретятся, пиво по стакану правой рукой вверх поднимают, у кого выше получится, того верх будет. Померяются. Потом мирятся - пьют вместе, сначала своё выпьют, потом обмениваются кружками, и по второй, по третьей». (*Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р.*) В дом первыми молодые заходят, невеста переступает порог дома и про себя думает: «Волчиха в дом, так все волчата вон». (Федорцово). «Как зайду, за ними двери закроют, остальных-то пускают уже позже». (Антипино). «В доме жениха невесту сразу в другую комнату уводят - волосы заплетать в две косы. После уже свекровка выводит невесту к жениху». (Палёво). У невесты сваха, у жениха крёстный за стол заводили. (Ан-

типино). В д. Ванино невесту выводил отец. «Тут, за столом-то, молодые ноги топчут друг другу, кто пересилит, тот командовать будет». (Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г.р., д. Ванино). «Невесту за стол к жениху посадят, тут уж ноги топтать начинают: дружки со стороны невесты и жениха сидят за столами друг напротив друга и топчут друг другу ноги под столом, кто перетопчет, того и верх будет». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино). «Покойника на дольную лавку сажат, а молодых на свадьбе на поперечную сажат». (Федорцово). «На шубу молодые сажатся, чтобы мягко было жить» (Антипино), чтобы бедно не жили, на шубы молодых садили и в с. В. Язьва.

«Тут ещё благословляли, только теперь делали это родители жениха. Жених с невестой выходили из-за стола и вставали на колени. Родители благословляли, сначала мать – хлебом, потом отец – иконой. Благословляют начинают с жениха. Жениху с невестой еще надо по разу укусить хлеб: «Больше кусайте, чтобы богато жили». (В. Язьва). В Федорцово, когда благословляют молодых, «отец икону держал на полотенце, мать держала на полотенце хлеб. Молодые на колени встанут, головы-те опустят, их родители крестом по *горбашке* постукают. Потом каждому из них дают кусать хлеб и смотрят, кто мало откусит – худые покосы ходить будет».

«Невеста за стол встала, тогда подарки раздаривала всем: свекровке, свекру, деверю, золовке, жених в это время сидел, а дружки вслед за подарком дарили вином, подавали по рюмочке, подарят всех, потом стол начинается». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., В. Бычино).

Пивом-то угощаются, песню ещё тут поют:

Не было ветру,
Да вдруг наваяло,
Не было гостей,
Да вдруг наехали,
Полны ограды
Карет золотых.
Полны конюшни
Коней вороных.
Полные залы
Гостей дорогих.
Тятенька, пей,
Да меня не пропей.
Пей-ка, пропей

Своего добра коня.
Маменька, пей,
Да меня не пропей.
Пей-ка, пропей
С себя кофточку.
Сестрица, пей,
Да меня не пропей.
Пей-ка, пропей
С косы ленточку.
Братец мой, пей,
Да меня не пропей.
Пей-ка, пропей
С себя фуражечку.

(Зап. от Кичигиной М. И., д. Дубровка, каждая строчка повторялась).

Поющие песню, после того как спели песню для того или иного участника свадьбы, обычно добавляли:

Песню пели до конца –
Нам по рюмочке винца.
А по рюмочке – то мало,
По стакану не мешало.

(Зап. в Антипино).

«Тот кто пил пиво, платил невесте деньги и говорил: «Дай, бог, вам добра-здоровья, чтобы жили хорошо, да дружно, да любили друг друга». На стол тут пирог рыбный поставят». (В. Язьва). «Края пирога велят тысяцкому ножом обрезать, да так, чтобы его не пошевелить. (Талавол). «Каравай тут свадебный стоит, которым благословляли, а в нем деньги запечены». (г. Красновишерск). «Гости сидят, пируют, да ещё скажут: «Горьковато», тогда жених с невестой целуются». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). «Невесте тут тоже подавали выпить за родителей жениха. Вот одна невеста захлебнулась, так что-то недоброе потом было». (Зап. от Бычиной Е. В., 1939 г.р., Палёво).

«Пропировали, гулянье началось, а молодым время подошло спать. Тут крестный командует: «Можете пировать, кроме жениха и невесты, а жениху-невесте надо спать-отдыхать». Раньше закрывали молодых в подвале, чтобы никто их не слышал». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). «Закрывать-то обязательно надо было,

дело ведь важно, как бы кто ночь не спортил. Вот я это слышала: где-то свадьбу играли. Невесту и жениха закрыли, а они там не остались, убежали. Вот и обратились из-за этого в медведя и медведицу». (Зап. от Паршаковой П. С., 1900 г. р., д. Сыпучий). «Чтобы всё удачно прошло, на свадьбу иные колдуньи приглашали. Это уж обязательно. Если его на свадьбу не пригласить, так он, еретик, превратить мог человека в волка» (Зап. от Усаниной Е. Н., 1910 г. р., д. Говорливая, архив ПГУ 1986, тет. 328, № 105). «Говаривали мужики-то, мол, не только парня с девкой, всю свадьбу вывертывали в медведей. Колдунья-то». (Зап. от Семерикова, 1907 г. р., д. Аралово, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 75). «Я тоже вот слышала это у бабушки. Ну, медведя убили, шкуру сняли - точно женщина: груди и руки женские. А бабушка говорит: «Был де колдун, его на свадьбу не пригласили, так он свадьбу всю в медведей обернул. Они тут же все разбежались». (Зап. от Ильных А. Г., 1913 г. р., д. Бахари, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 151). «Еретики-то не только колдовали в медведей. Кто послабже, так порчу какую наведет, ли чирей ли посадит. Мы вот на свадьбу поехали, на Долгий плес. А невеста ходит, а на самом носе большущий чирей сидит. Бабы сказывали, что у жениха было два крестных. Одну поставил за свой стол, а другую не взял. А она - колдунья, чирей-то и посадила. А потом-то свадьба прошла, и у невесты все прошло». (Зап. от Горшковой Н. С., 1906 г. р., д. У-Говоруха, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 140). «Надо нарочно отбораниваться. Если боишься колдуна, повяжись ниточкой смоляной по голому телу». (Зап. от Боронникова А. Н. 1919 г. р. с. В. Язьва). Чё хоть делай, не всегда и то помогает. Соломку ведь не знаешь, где стелить. Вон парень с девкой все ходил. Назначили свадьбу. Парень работал в лесу, там жил, а уж скоро свадьба. В лес к нему приехала невеста, стали их к свадьбе готовить. А парню говорят: «Когда венчаться будешь, ты ничё не говори». А венчать пошли, он говорит: «Господи, благослови!» И оказался один под березой, а на березе петля висит. Невеста-то чертовка была, а не скажи он те слова, дак и повешенный уж бы был». (Зап. от Паршаковой П. С., 1900 г. р., д. Сыпучая, архив ПГУ 1986, тет. 328б, № 172). Колдуна-то уж обязательно приглашали на свадьбу, его уж первого и за стол садили, да еще неделю угощали потом, после свадьбы, чтобы он ничего не надевал молодым-то. (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г. р., д. В. Бычино). Колдун ведь опять не только портить мог, он ещё и оберегать может. Пирует свадьба, и вот сошлись два колдуна: колдун и колдунья. Эту кол-

дунью не создали на свадьбу пировать, а колдуна создали - мужика. Он-то крепче знал ее. Она разозлилась, когда свадьба идет, и превратилась в корову. Заходит на свадьбу. Двери открывает и забегает, и давай хвостом, и забегала. На все столы, на угощения давай др..стать, всем людям видно, что обдр..стано, а этот колдун долго не думал и медведем превратился, медведем, и давай корову за хвост и буткать ее. И он её до тех пор буткал, её колдунью-то, она едва ноги до дому унесла. А медведь-то превратился в мужика, и опять пируют, и на столе чисто, никакого г..вна нет. Вот это колдун опять получается свадьбу-то и спас». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г. р., с. В. Язьва).

Ночь брачная

Крестные уводили молодых на подклет, а свадебжане продолжали пировать, плясали и пели. (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г. р., д. В. Бычино). В. с. В. Язьва молодых уводили спать на сарай. (Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г. р.). В этом же селе молодых могли увести спать в голбец. «Прежде чем молодых положить, у жениха и невесты свахи всю постель перешушают, перетрясут, мужиков-то тут не допускали. (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г. р., д. У. Улс). В с. В. Язьва постель готовила крестная жениха. «Это обязательно. Под постель-то знаткие положат поленья мелкие, обруча железные - вот молодые и будут всю жизнь маяться. Крестная для этого и нужна была тут, всё смотреть». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г. р.). «Шерсть собачью и кошачью смешают комочком, положат в постель - молодые как кошка с собакой жить будут». (В. Язьва). «Чтобы мужик был пьяница, в брачную постель клали пробку от бутылки». (Оралово). «Подстилку могли подкинуть под молодых с кровью, если кто-то уже использовал девку-то». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г. р., д. У. Улс). «Дековались над невестой. Под перину дрова положат, на них невесту, чтобы дружно жили». (Красновишерск).

«Перед постелью пиво разлили и молодые-то на постелью шли по пиву». (Н. Язьва). «У кровати жених разувал невесту, а она его. В обуви каждого из них лежали деньги, которые молодожены брали себе». (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г. р., с. В. Язьва). «Венчанна должна день и ночь ходить в платке, даже в платке спать». (Паршаково). «После ночи жениху первому велено встать. Будят их дверь открывать, кто первой встанет, тот будет хозяином». (Макарова).

В Антипино «первую ночь невесте запрещали спать с женихом. Молодых уводили вместе, утром жениха высмеивали за то, что не прикоснулся к невесте». (Зап. от Антипиной Л. А., 1939 г.р., д. Антипино). «Свадьба была три дня, и только на третий день жениха с невестой уводили в другую избу спать, утром приходили бабы, проверяли честность невесты. Если простынь помарана – невеста честная была». (Зап. от Бычиной Е. В., 1939 г.р., д. Палёво). «Цельную невесту сразу видно – утром выводят, жениху и невесте сразу вино подают, если цельная невеста, жених пил и бил стакан ли рюмку. Раньше-то всё кагор пили». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., д. У. Улс). «Если невеста честная была, пели: «У милёшки на рубашке, у милого на штанах». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино).

Широкий («расширенный») день

«Наблюдатели, ухаживающие бабушки и дедушки, утром смотрят, как невеста с женихом мылись, чесались в спаленке. Как всё сделали, так к гостям пошли. А будить молодых шли свахи с той и другой стороны». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., д. У. Улс). «Утром жених ещё койку заправляет, так ему надо было делать, запрягает лошадей и едет к теще, а невеста пол подметает дома. Тещу и тестя жених волокет к себе, гулять. Приезжает к теще жених: «Здорова!» – «Здорова». Теща ему пиво волокет». (Зап. от Антипиной А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва).

«Пока жених ездил утром до большого стола, невеста шла по воде, вот тогда она денежку и бросает. Обязательно бросает две монетки в реку, хоть куда. Невеста воду несёт и должна чем-то одарить реку». (Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва). «Ещё колодец выкупала, кидала деньги. Воду в ведра набирала до самой кромки. Когда несла воду домой, говорила слова: «Не нашим, не вашим», – это если вода плескалась на землю». (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р., с. В. Язьва). «На второй день свадьбы за водой идешь, дают тебе горбушку хлеба и монеточки. Их невеста бросает в колодец, как вроде колодец одаряешь – вроде пришла ты не простая, а с подарочком». (В. Язьва). «Колодец-то обзолотить обязательно надо было, чтоб жилось-велось». (Антипина). «Тут тоже порчу могли навести. Вот одна невеста пошла за водой, положила горбушку хлеба, а другие пришли, горбушку-то достали, и давай ногами топтать». (Зап. от Ваньковой А. А., 1934 г.р., д. Ванино).

«Невеста за водой сходила, жених уже привозит тещу и тестя. Они около дома стоят, не заходят, их зайти уговаривают. А в избе уже крестные родители сидят. Они приехали как на лошади, по деревне-то не просто так шли на пировлю: крестный отец в хомуте, крестна вожжами его погоняла на «большой стол». (Федорцово). Как в дом все собрались, начали *столовать*. Тут дружка подойдет к молодому, для смеха скажет: «Чиста ли нет, невеста попалась, она к тебе?». Если честная, дружка чистую посуду возьмет, тарелку там, и невзначай, как будто чё-то тащит, уронит. Упадет тарелка, сломается. А если нечестная, как жених скажет, значит, дырявую какую принесет тарелку и тоже бьет. (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). В этом же селе невесту проверяли и по-другому. «Как с подклета пошли, под полатами прошли, а за ними с полатей корчагу уронили, а гости кричат: «Ой, целку зломил». А потом гости пироги едят, ломают один и говорят: «Ой, Миша, ну и невеста у тебя, пирог-от какой дала, зломанный, худуший». (В. Язьва). «Бумагу на стакан с пивом положат и смотрят, если бумага утонет, невеста нечестная вышла». (В. Язьва). «Еще целый горшок били, если невеста выходила замуж честной, и ломанный разбивали, если невеста была нечестной. Били так, жених выносил на середину пола ухват, сваха брала горшок и стучала им о черенок ухвата». (Зап. от Гилёва Г. И., 1932 г.р., Палёво). «На второй день свахи пели, невесту восхваляли, если честная была. С простынью плясали в руках. Жених бил горшок, и гости все тоже били посуду». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино).

Тут к «большому столу» все гости собирались. Молодых усаживали по-особому. «Веник под шубу на лавку клали, чтобы невеста хозяйственна была, и кирпич, тогда муж роботящий». (Зап. от Кичигиной Н. В., 1937 г.р., с. В. Язьва). «В своем доме отец жениха переворачивал полный стакан с вином и ставил на блюдечко. Все гости по очереди подходили, здоровались, переворачивали блюдечко со стаканом, пили вино и на блюдечко клали деньги, то же самое происходило в доме невесты до отъезда молодых в церковь, только рюмочку там подносил отец невесты». (Федорцово). «Тёща приносит на стол *селянку*. Селянку изрезать надо так, чтобы вся целая она была. За неё платили пятнадцать рублей. Яйца набыют, молока нальют. Жених посередине нарежет. За эту селянку все зятьевы платили». (Зап. в д. Аралово, архив ПГУ, т.430, текст 41). «Грибное, рыбное – все на второй день делают. Рыбный пирог ещё делают». (Зап. от Паршаковой Е. М., 1910

г.р., д. Талавол). «Ещё готовили гуся или курицу и, когда выносили блюдо, стреляли из ружья. Что-то кидали с печи, как будто птица летит, и выстреливали холостым зарядом». (Антипино). «А пирог-то рыбный на свадьбу обязательно. Основная часть его: капуста, лук, рыба. В него нельзя класть рис и яйцо. Верхнюю корку удаляли - «как целку». Пирог этот ели с разрешения тысячника». (Гришино). В д.Семино «в пирог-то вместо рыбы вилки да ложки запекали, так и выносили». (Зап. от Тарасовой Г.А., 1917 г.р.). «Невеста к большому столу несла полную чашку супа. Если доносила до стола суп и не расплёскивала его - жизнь, считалась, у нее будет полной». (Зап. от Бычиной Е. В., 1939 г.р., д. Палёво). «В это день жених кормил невесту с вилочки, а всех гостей угощал вином, переворачивал стакан с вином на блюдце и подносил в таком виде гостю. Свадебжанин должен был перевернуть стакан, выпить вино и на блюдце положить деньги». (В. Язьва).

«Во время «большого стола» невеста дарила подарки. Невеста несёт подарок, рядом жених на большом подносе несёт рюмки с вином. Идут круг стола и только невеста подарит, жених тут же с вином. Невеста дарит жениховой родне: перво свёкру рубашку, затем свекрови тоже чего-нибудь из белья, потом сестер дарит, братьев, племянников. Дарит только женихову родню, а потом-то вином обносят всех, и того, кто подарок не получил». (Бронникова А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва). «Тут уже тысячко не командует. Кто хочет, кричат: «Горьковато», - тогда уж невеста с женихом целуются». (Зап. от Антипиной Л. А., 1939 г.р., д. Антипино). «Свидетельница у невесты написала плакат. Плакат целый читала, как жить, как вести себя. Раньше крёстная возле невесты сидела, а теперь свидетельница да тысячка». (Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г.р., с. В. Язьва).

Вечер отпирают, жених невесте должен что-то подарить, деньги дарили чаще всего, некоторые дарили лошадь с санями, корову с теленком, это мог дарить и жених, и ему такое же дарила невеста. Утром после подклета дарение идет, торгование-то». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., д. У. Улс). В д.Семино «на хлебную лопату поставят стакан с вином, да так и подают». (Зап. от Тарасовой Г. А., 1917 г.р.).

«Остальное в доме разыгрывалось: кидают мелочь-деньги, заносят сено, а невеста, жених должны собирать, подметают тут копейки, собирают. Невеста метет, жених собирает, а тут опять топчут все, раскидывают. (Зап. от Антипиной А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). В этом же

селе молодым хмель на голову сыпали, трясли перо, пух деньги. Молодую заставляли собирать мелочь-то, когда пух трясли, тогда молодых-то и хмелем обсыпали». (Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р.). В д. У. Улс «когда напились, начинали половики катать: половики невесты расстелют, и давай деньги кидать, все гости, кто есть, гармонь тут играет, кто вверх деньги кидает, кто в бок, мелочь невеста собирает». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р.). «Зубами деньги с потолка собирала невеста, их клеили на пиво к потолку-ту. Давали негодный веник, чтобы подметала пол и собирала деньги. Пока собирала деньги, невесте мешали сорок человек». (Зап. от Патрушевой И. Ф., 1929 г.р., с. В. Язьва). «Ещё принесли подушку, растряли, распорили, молодуху тут заставляли деньги собирать». (Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г.р., с. В. Язьва). «Тут ещё вместе с пухом корчагу ломали, бросят, растопчут, кричат. Видимо всё ломается, ломать и её надо» (Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г.р., с. В. Язьва). Гости уж тут поют песни всякие, припевки:

Ой, крутые горы
 Да мелкие речушки
 Со струями пролегли.
 А на том бережки,
 А на зелёном бережки
 Ходит юдал добрый молодец.
 А на том берегу
 Ходит красна девица душа (имя рек).
 Крикала она,
 Гаркала она:
 -Ты перевези,
 Да юдал добрый молодец,
 Ты перевези да
 Через быструю реки.
 Ты перевези да
 Ты не спотопи,
 Ты не спотопи
 Да моё девья красота.
 - Садись на меня,
 Да на могучие плеча,
 Я перевезу
 Через быструю реку.
 Я не спотоплю

Твою девья красота.
 – Ты не подмочи
 Мои туфли модные.
 –Я не замочу
 Твои туфли модные.
 (Зап. в Антипино).

Частая на свадьбах, эта песня широко варьируется:
 Высокие горы всё рассыпаться хотят.
 Мелкие речушки всё струями протекли.
 Ходит и гуляет удал добрый молодец,
 Свет-душа Геннадий Николаевич.
 Ищет себе свою суженую, свою ряженую:
 –Где ж ты моя, где ж ты суженая,
 Где же ты ряженая?
 По другой сторонке ходит девица-душа
 Свет душа (имярек).
 Кликала она перевошничка себе:
 – Ты перевези, добрый молодец, меня.
 Ты не замочи платье белое моё.
 Ты не забрызжи туфли белые мои.
 Ты не потопи девичьи красоты мои.
 – Садись на меня, на могучие плеча.
 Я не забрызжу платье белое твое.
 Я не замочу туфли модные твои.
 Коль я замочу, коль я забрызжу,
 Я получше заведу.
 (Зап. в Антипино).

«Второй-то день – много чего делали. Невесту усаживали на квашню, чтобы больше детей рожала». (Талавол). «Да кто ещё надумает, хлеб молодуюшку заставит делать: «Давай, молодка, сади хлеб». Я взяла, лопата беда толстая, мужу-то говорю: «Ну-ко, иди постройгай». Он вышел на улицу скобелем, а раньше-то, по-пермяцки, *гоготом*, быстёхонько одну сторону, другую – и тоненько стало. Я чуть подниму, поташу, пирожок посажу. Дедушка смотрит: «Бывалые у молодуюшки ручки-то, бывалые» (Зап. от Антипиной А. П., 1920 г.р.,

д. Антипино). В этой же деревне невесту хлеб заставляли делать, «да ещё жидко всё сделают, да туда лучину насыют, толкова-та невеста сразу разберется, *шурки-парки*, и всё – готово». (Зап. от Паршаковой П. Г., 1930 г.р., д. Антипино). «Жениха заставляли еще ёлки негодные колоть, чтоб помучился». (Зап. от Паршаковой М. И., 1925 г.р., д. Антипино).

«Балуют на свадьбе. Все свадебжана сажей измажутся. «Всех мазали, только молодых не трогали». (Зап. от Гилёвой Г. И., 1932 г.р., д. Палёво). «В доме погряли, давай водой обливаться. Лили из вёдер друг на друга, прямо в избе лили. До того дообливались, что потом ведрами выносили воду из коридора, из избы, а тут опять заотнимались, воду-то из кадцы не стали давать, так бабу-то уронили одну, ребра ей все переломали». (Зап. от Бычиной К. В., 1930 г.р., д. В. Бычино). «Жениха-то с невестой не обливают, нельзя. Говорят нельзя сильно обливаться водой, вот у нас сестра погибла из-за этого, вода-то осердилась дак». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с.В. Язьва).

«Молодых в баню волокут, бани-то саженные были. Друзки надымят и сажей молодых всех измажут. Молодых везут ребята – *изгальники*, там уж их не раздевают. Из бани молодой за столом куклу в руки дадут: «На, водися». Кукла-то из соломы. Потом срядят попа, чашку воды поставят, куклу крестить начинают, читают «Отче наш». Попа назначат, ему простынь повяжут, банку подвяжут на голову. Три раза куклу макнут, имя дадут, невесте веник в руку дадут, она макнет да всех гостей брызгает». (В. Язьва). «Снарядят тут куклу, обернут и несут молодым, в старуху нарядаются, да веник ей дадут, она несет ребенка, как будто в бане его мыла». (Федорцово). «Куклу делали. Крестили да чо. Принесут воду, в чё-то там нальют, и макали. Вместо батюшки мужика сделают. Каку-то банку ему всунут. Угли накладывают, молитву споят каку-то. Ребенка окрестят, отдадут молодым, како-то еще имя дадут». (Зап. от Ильиных А. Г., 1913 г. р., д. Бахари, архив ПГУ 1988, тет. 430, № 161).

«Пока баловали да чего, у невесты туфель из-под стола подкрались, сдернули, пацаны-то, налили в него водки, тысячку приташили

тут – выкупай невесту-то, надо, чтобы он деньги дал еще. Из туфля-то потом его поили. (Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г.р., с. В. Язьва). «Всяко было, и невесту воровали, и корову уводили, придано её: лапти оденут и уведут, куда вроде мужик с бабой ушли, потом корову-то месяц найти не могут. Какого токо смеха раньше не делали». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., У. Улс). «Жениха в кипсиах, в рукавицах бабу-то свою ловить заставляют, они с гвоздями, вроде как ежик». (Гришино). «Проказни делали ещё после подклета, похабины. Такую похабину из берёзы или елки с плешью сделают, долгую, подкрасят. И мошенку сделают старики. Сунут мужику в штаны, выставят, машут им и пляшут, а красный комель-то выставленный туто же. Еще в последний день свадьбы бабы в мужиков рядились: штаны самотканые, пиджак с подпоясом, лицо не закрывали, еще волосы белые углём подкрашивали, усы древесным углём подкрасят, или тоже дёгтем мазали. А мужики опять бабами наряжались: в косынку завязывались, сарафан, красились, брови известью подводили». (Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., У. Улс).

«Заканчивали-то гулять тоже мудро. Наряжали попом одного, надевали на него хомут, другой садился на него верхом, плеточкой машет и объезжает по избе, круги делает. Так и заканчивали». (Данилов Луг).

Столовый день

«У кого ресурсы позволяли, то до пяти дён свадьбу гуляли». (Зап. от Чагиной Н. И., 1935 г.р., с. В. Язьва). «В столовый-то день грибное всё больше, мясное ташили на стол». (Талавол). «Здесь тоже граяли. Тысяцкий вот заведёт в дом лошадь, поставит перед ней корчагу с пивом. Если лошадь роняла и разбивала ее, значит, молодых ждет удачный брак. А как наедятся все, по улице пойдут - «рыбу лучить». По деревне лодку таскать начнут, на корме огонь зажгут. Тысяцкий управляет: на ногах в лодке стоит и острогой в палки-те, в шшепки на дороге бьёт. Палку-то зацепит, орёт: «Лёшш, лёшш во лёшш какой!». По деревне-то его мужики таскают, он бьёт рыбу-то». (Федорцово). «Отыграют, всё, опять за стол. Тут поели, хозяйка чашку принесёт и закроет еду-то: «Всё, больше носить нечего, расходиться».

(Зап. от Кичигиной Т. А., 1917 г.р., с. Н. Бычино). В д. Орефина в знак окончания пира перевернутой чашкой закрывали пирог, стоящий на столе. (Зап. от Мещеровой А. Т., 1932 г.р.). «Последний день-то уже делали кисель – выгонщик его называли, может быть и крахмальный, клюквенный, овсяный, его свекровь выносила». (Зап. от Бронникова А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва). «Тысячко командует: «Ну, дорогие гости-сватовья, свадьба, считам, кончилась. За стол сели, угостились, хватит, надо за работу заниматься». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). «Все гости понимают, что пора расходиться. Мать первая тронется. Как она поедет, песню заведут: «Ехали бояры, да по чисто-му полю». (Антипино). «Чтобы невеста не скучала по родному дому, её специально закрывали в избе, провожать гостей-то не пускали». (В. Язьва).

Полы мыть. Уборки

«На третий день свадьбы полы моют из-спереди. Уборки обязательно сделают, к молодушке-то приходят те, кто помогал ей на свадьбе. Они-то полы и моют, обязательно от икон к двери». (Зап. от Ермаковой А. К., 1925 г.р., с. Н. Язьва). «Тут, где невесту продавали, старички-мужички еще запрашивают выпить-то. Так ухватом таких за шею выводили или вот вилы возьмут деревянные, эти сено-то метать с тремя рогами, ими и выгоняют пьяниц-то из дома». (Усанин Е. С., 1927 г.р., У. Улс) «Хоть невеста и угощает всех, этим-то, кто ещё выпить хочет, уж ничего не дает». (Н. Язьва). Заставляли невесту пресь, запрягать. Запряльщице, невесте-то шерсть принесут, дня через три: «Пряди, можешь, нет». (Зап. от Ваньковой А. Н., 1908 г.р., д. Ваннино).

Хлибины

«После свадьбы кто пировал у молодых, все к себе в гости звали их, по очереди ездили друг к другу». (Зап. от Кичигиной Т. А., 1917 г.р., д. Н. Бычино). «Хлибины – они у невестиной родни только, родня, которая есть, молодые едут к невестиным родителям, а у жениха не делается. Ко всей родне. Сёдне к одной родне, завтра к другим. С молодыми-то едут отец, мать, сватовья». (Зап. от Антипина А. М., 1932 г.р., с. В. Язьва). Делалось это в разные сроки, вскоре после свадьбы. «На пятый день после свадьбы собирали сватью да свата,

угощали их» (*Зап. от Тарасовой Г. А., 1917 г.р., д. Сёмино*). Послесвадебные визиты, поездки на блины проводились также в Масленую. «В Масленку все свадебжане друг к другу в гости ходят» (*Зап. от Паршаковой П. Г., 1930 г.р., д. Антипино*). «В Масленицу уже к теще на блины молодые ехали, и свекровь со свекром тоже с ними. Лошадь колокольцами украсят, шафера, может, с собой возьмут. (*Зап. от Бронниковой А. Н., 1919 г.р., с. В. Язьва*). «В Пасху жених к тестю с невестой ездил, а в Масленицу так наоборот». (*Зап. от Усанина Е. С., 1927 г.р., У. Улс*).

Особое отношение к недавно, в этом году вступившим в брак ощущалось и в другие календарные праздники. Так, молодежь приходила угощаться к молодожёнам на Святках: «В Святки к молодым ходит деревенская молодежь, если невеста и жених не напоили односельчан вином, каждый из молодых получал плетью». (Оралово). На Масленицу также обращали внимание на молодых, недавно вступивших в брак. «Кто женились недавно, шли кататься на горку обязательно, их в снег роняли». (В. Язьва).

Свадьба убегом

Рассказ о нередкой для мест, где сильна старообрядческая традиция, свадьбе *убегом* воссоздан по рассказам Паршаковой Е. В. (1918 г.р., д. Талавол). В нем содержится описание самого увода, *мировы*, которую заключали впоследствии родители молодых. В описании видны особенности включения в эту форму заключения брака традиционных свадебных ритуалов (кухня, благословение, суеверия и пр.).

«Раньше вечерки собирались, соберёмся, кто прыдет, кто вяжет. Вот весной пришли три парня, забрали меня и увели, как *крадом* *украли* – вот и свадьба. Раньше-то с вечерок девок воровали, на лошади приедут. Девки по баням сидят на вечерках, приедут за которой, увезут. Бывало, увезут, девка вовсе несогласная. Если несогласная, убежит домой, пешком уйдет от жениха.

Косы делили, вот в который в первый вечер меня привезли к жениху-то, тогда и косы делили. Это как только привели, сразу ужин маленький приготовила свекровка, к печке таганочек, на него чугуночку поставила, пельмяни варили, тут косы делили, золовка, на кух-

не. Она уложила волосы, а сверху платочком закрыла. Первую ночь в тот же вечер делали. Свадьбой называли, если просватана была, а так после *мирову* делали, если крали невесту. Потом вечер устраивали, к родителям с пивом, с вином. С парнем шли к родителям, и родители у него тоже шли, познакомиться. Невеста первая прощение просить шла. Как в дом зашли, родителям три раза кланялись. Молодые поклонились, а у него родители за ручку познакомились, пришли гости, родственники. Молодые сначала в ноги пали, прощение брали, кланялись. Отец видит, что у него родители пришли, че-то сказали, а потом невесте: иди, мол, тётю позови, дядю, да дедушка. Вот и ужин направили, посидели за столом. Когда прощение-то брали, иконой там ничего не делали, так, просто в ноги поклонились, встали, сели, посидели. Свёкор пришел к моему отцу, в руки так взял, как обнял, познакомились: «Ну, - говорит, - будем сватовьями». На вечерок-то крестну, тетку звали. Мы на вечерке за столом сидели. Со стороны невесты сидел отец невесты, потом у него отец; далеев углу крестный сидел, потом жених, потом уже невеста, рядом с невестой крестна, там мать, тетки. Сели за стол, пирог рыбный принесли, пиво, вино, пельмени, тогда обязательно их делали из мяса, раньше скотского больше было, так из него, а весной там рыба да кто. Рыба кариус, щука, окунь, он мережей ловился. У пирога края так немного *подзагинали*, а наверху так рыба была, пирог не закрывали, рыба вдоль лежала. Отец невесты начинал резать пирог. Это еще в доме невесты, называлась как *мирова*. Отец режет, края так обрежет, а рыбу поперек на две-три части, чтобы кусочки рыбы можно было есть, отец вел по солнышку нож и не оставивался. Молодым первым по рюмочке подадут, а потом все вместе уже пьют. Посидели, пирожок покушали, пельмени. Из-за стола вышли, все выпимши, пивом подаются, ходят, песни поют, пиво-то родители подают, не така свадьба, дак вечерок был. Со стороны жениха которо пиво возили, то свекровка подавала. А выпили, дак кто как мог. Пивом поподавались – все домой уехали. Когда на *мирову*-то ездили, тогда на лошади везли матрасёнку, мать дала подушку, одеяло, вот придано. А домой-то пришли после *мировы*, уже ужин тут направили, по рюмочке выпили вина, и все кончилось.

Прожила неделю, а потом уж у меня золовка пошла венчаться, ну, и мы с ними. Когда в церкву шли венчаться, свекровка гладила по

голове хлебом и иконой, благословляла когда. Свекровка благословляла как в церкву ехать, отец иконой, мать - хлебом. Сначала жениха благословляли, потом невесту. Крестили иконой, сначала лоб, потом живот, плечи, а хлебом тоже крестили, по голове не колотили – знамение делали, еще хлеб кусать велели: много укусишь – богато жить будешь, мало – бедно. Кусали молодые с одной стороны. Хлеб этот хранили, он сухой так и живет. Со священником договорились, что две пары приедут, лошадь запрягли утром рано и поехали. Ехали на лошади в церковь. Крестный за поводья держал лошадь. Перед церковью клали три поклона, заходили, там священник. Утром моление было, а как все ушли, нас венчать стали. Венцы одевали. На невесте платок был, а сверху венец одевали, в руках свечка. Платок крестный ли че нам под ноги постелил. Сейчас-то крестный и крестная есть, а у нас только крестный был. Платок-то в церковь оставляли. Смотрели, у кого как свечка сгорит. Свечка у него, у моего-то, раньше сгорела, он раньше и умер»...

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
I. КАЛЕНДАРНЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И БЫТОВЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ	5
Календарная обрядность	5
Представления о нечистой силе	26
Хозяйственные и бытовые обряды, бытовые приметы и запреты ..	37
Народная медицина	41
II. СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ	47
Привороты и отвороты. Родинный обряд	47
Проводы в армию	48
Похоронный обряд	49
Вишерская свадьба	55

Художник обложки **В. С. Аникеев**

Научное издание

Вишерская старина

Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов
по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области

Составители

Иван Алексеевич Подюков,
Наталья Викторовна Жданова,
Стас Валерьевич Хоробрых

Редактор Е.Е. Покровская

ИБ № 44

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001. Подписано в печать 06.05.2002
Бум. офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,25. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 500 экз. Заказ 41.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного педагогического университета,
614990, Пермь, ул. Сибирской, 24

ООО «ПЕРМЬ-МЕДИА». Пермь, ул. Луначарского, 21